

КАРТА ЧУВСТВ

МАРА СВЕТЛАНОВА

Мара Светланова

Карта чувств

«Автор»

2026

Светланова М.

Карта чувств / М. Светланова — «Автор», 2026

Певица-картограф Лея Варн умеет удерживать голосом переходы между Отражениями Эмбера. Но однажды она узнаёт: Обсерватория годами записывала человеческие чувства без согласия, превращала их в прогнозы любви и выдавала вероятность за судьбу. А голос самой Леи стал тайной опорой тысяч маршрутов. У неё двадцать один день, чтобы разрушить рынок созвездий и не разлучить города. Рядом — астроном этики Самир Эйд, чью модель исказили ради прибыли и который скрыл от Леи самый опасный прогноз. Чтобы вернуть людям право на собственные чувства, им придётся научиться доверять поступкам, а не вычисленному будущему. «Карта чувств» — роман о согласии, цене незаменимости и любви, которая остаётся живой именно потому, что её нельзя предсказать.

© Светланова М., 2026

© Автор, 2026

Содержание

От автора	5
Глава 1. Нота после тишины	6
Глава 2. Город рядом с собой	11
Глава 3. Прогноз на двоих	19
Глава 4. Астроном этики	25
Глава 5. Сестра слышит ладонями	34
Глава 6. Архив согласий	41
Глава 7. Первая ложная звезда	49
Конец ознакомительного фрагмента.	55

Мара Светланова

Карта чувств

От автора

Мы привыкли говорить о чувствах как о внутренней истине. Но даже самое точное чувство не принимает за нас решение и не даёт другому человеку права распоряжаться нашим будущим.

Эта история выросла из вопроса: что случится, если любовь, страх и верность научатся измерять достаточно хорошо, чтобы ими начали торговать? В мире Леи право петь и право замолчать становятся условием свободы.

«Карта чувств» — роман о цене полезного дара, профессиональной ответственности и близости без гарантированного исхода.

Мара Светланова

Глава 1. Нота после тишины

В Эмбере тишину измеряли точнее, чем время.

На стене репетиционного зала висели два циферблата. Первый показывал минуты до открытия перехода. Второй — доли секунды, в которые мой голос должен был исчезнуть. Не ослабнуть, не раствориться в дыхании, а оборваться так чисто, чтобы серебряная стрелка замерла на нуле.

Я держала последнюю ноту и смотрела, как она приближается.

Три.

Под стеклянным полом зажглась карта Эмбера: река, кольцо старых кварталов, семь линий переходов. За каждой линией проступал другой вариант города — почти такой же, но с иным изгибом набережной, другой погодой, иногда с домами, которых у нас никогда не строили.

Два.

На галерее за звуконепроницаемым стеклом техники склонились над пультами. Тэсса Рой подняла ладонь. Она никогда не отсчитывала пальцами. Говорила, что певец, который ждёт команды, уже опоздал.

Один.

Я закрыла рот.

Нота продолжилась.

Она была негромкой, почти ласковой. Чистое «а» плыло по залу без меня, заставляя тонкие пластины в стенах дрожать серебряной рябью. Я чувствовала вибрацию под языком, хотя больше не выдыхала. Воздух в лёгких кончился. Горло было закрыто. И всё же мой голос жил ещё семь десятых секунды.

На карте вспыхнула восьмая линия.

— Снять несущую! — крикнула Тэсса.

Я услышала её не через стекло, а из динамика у пола. Кто-то на пульте ударил аварийный переключатель. Свет погас, серебряная стрелка дёрнулась за нулевую отметку, и лишняя линия не исчезла. Она прошла от обсерватории к Южному вокзалу, перечеркнула реку и упёрлась в район, которого не было ни в одном утверждённом Отражении.

Там горели красные крыши.

В нашем Эмбере этот берег двадцать лет занимали водосборники.

— Лея, не двигайся, — сказала Тэсса.

Я и не могла. После несущей мышцы помнили звук дольше меня: колени дрожали, пальцы сводило, в зубах стоял металлический привкус. Обычная цена работы. Необычным было другое — я всё ещё слышала себя.

Нота ушла в стены, как вода в песок, но внутри черепа остался тонкий след. Я зажала уши ладонями. След не стал тише.

За стеклом люди побежали. Один техник сорвал наушники, второй закрыл крышкой центральный рычаг. Тэсса не побежала. Она смотрела на меня с той неподвижностью, которая появлялась у неё только перед очень плохими новостями.

Циферблат перехода показывал ноль.

А потом в зале прозвучал вокзальный сигнал.

Три низких удара означали: линия открыта. Один высокий — состав или пешая группа вошли в коридор. Мы слышали три низких и один высокий.

— Кто дал вход? — спросила я.

Голос был мой, разговорный, хриплый после работы. От облегчения меня едва не стошнило. Я могла говорить.

— Южный терминал работал по расписанию, — ответила Тэсса. — Они ждали Вторую линию.

— Но открылась не Вторая.

Она нажала кнопку у стекла. Дверь галереи разблокировалась не сразу: автоматика проверяла, не осталось ли в зале активного резонанса. Пока над косяком мигал жёлтый огонь, карта под ногами менялась. Привычные семь линий бледнели, а восьмая наливалась белым. По ней двигалась крошечная точка.

Человек.

— Сколько вошло? — спросила Тэсса, не оборачиваясь.

— Один жетон, — отозвался техник. — Курьерская категория. Идентификатор читается с помехой.

— Закройте терминал.

— Он уже закрылся. Входная рамка вернулась, коридор не свернулся.

Белая точка дошла до середины реки и остановилась.

Я присела, будто могла рассмотреть человека сквозь стекло карты. Под подошвами проступали кварталы сразу двух городов. В одном по мосту шёл поздний трамвай. В другом мост обрывался над чёрной водой. Точка стояла между ними.

— Связь? — спросила я.

— Нет канала.

— Аварийный маяк?

— Нет отклика.

— Имя?

Техник молчал достаточно долго, чтобы ответ стал страшнее.

— Жетон принадлежит Дани Реву. Двадцать семь лет. Курьер лаборатории линз.

Имя появилось на боковом экране. Рядом — фотография: узкое лицо, тёмная куртка с высоким воротом, улыбка человека, которого сняли в неудачную секунду и всё равно оставили снимок в документах. Под фотографией мигал маршрут: Южный терминал — Отражение С-2, доставка к восьми сорока.

Он вошёл туда, куда ему велели. Ошибка принадлежала не ему.

— Верните Вторую линию, — сказала я.

— Несущая снята, — ответила Тэсса.

— Я дам её снова.

— Нет.

— Если настроиться на его жетон...

— Нет, Лея.

Дверь наконец открылась. Тэсса вошла в зал и встала между мной и пультом. Ей было сорок шесть, и половину этих лет она учила людей удерживать границы голосом. Она знала все способы остановить певца: приказом, просьбой, правдой. Сейчас выбрала приказ.

— После неконтролируемого послезвучия ты не поёшь до осмотра.

— Он застрял на моей линии.

— На неизвестной линии.

— Которая возникла из моей ноты.

— Именно поэтому ты не будешь пробовать ещё раз вслепую.

Я поднялась. Белая точка под ногой мигнула и пропала.

В зале стало очень тихо.

Не той тишиной, которую измеряли циферблаты. В ней не было профессиональной чистоты, только отсутствие человека там, где секунду назад оставалась возможность его вернуть.

— Жетон потерян, — сказал техник.

Тэсса закрыла глаза.

— Поднять архив последних пяти минут. Вызвать аварийную группу на Южный. Никому не прокладывать маршрут по восьмой линии. Лее — медицинский коридор.

— Я иду на терминал.

— Ты идёшь к врачу.

— Дани Рев не нуждается в моём анализе крови.

— А следующий коридор нуждается в певице, которая понимает, что с ней происходит.

Я хотела ответить, но внутри снова возникло «а» — без воздуха, без движения связок. На этот раз звук длился меньше удара сердца. Стекланный пол отозвался бледной вспышкой.

Тэсса увидела.

Она подошла ближе и коснулась двумя пальцами основания моей шеи. Не как врач и не как наставница перед концертом — как человек, проверяющий, не горит ли провод под оболочкой.

— Ты сейчас пела?

— Нет.

— Не лги мне в резонансном зале.

— Я не пела.

Мы обе посмотрели на карту. Восьмой линии уже не было. Остался только крохотный алый след на середине реки, где исчез жетон Дани.

Тэсса убрала руку.

— Тогда тем более к врачу.

Медицинский коридор обсерватории пах тёплым камнем и обеззвучивающим лаком. Стены там делали матовыми, без металлических креплений, чтобы случайный голос не собирався в отражение. Пока врач водила холодным датчиком вдоль моей гортани, я смотрела на собственный спектр. Разговорная речь ложилась на экран неровной зелёной полосой. Никаких разрывов, опухолей, ожогов.

— Ещё раз «море», — попросила врач.

— Море.

— «Ворота».

— Ворота.

— Теперь молчите.

Я молчала.

На экране появилась тонкая серебряная игла.

Врач нахмурилась и перезапустила прибор.

— Помеха? — спросила я.

— Здесь не бывает таких помех.

— Сегодня многое бывает впервые.

Она не улыбнулась. Сняла датчик, запечатала его в экранирующий чехол и велела ждать. Через минуту в кабинете осталась только я и выключенный экран, на котором ещё плавало отражение моего лица.

Я досчитала до ста двадцати. Потом открыла дверь.

Охранник у лифта покачал головой:

— Госпожа Варн, вам предписано оставаться в отделении.

— Кем?

— Дирекцией.

— Медицинское предписание выдаёт врач.

— Дирекция ввела протокол нестабильной несущей.

Слова были знакомые, но вместе звучали неправильно. Несущей называли партию, частоту, иногда запись. Человека так называли только в технических документах, которые певцам обычно не показывали.

— Покажите протокол.

Охранник коснулся браслета, будто проверял, не приказали ли ему уже забыть русский язык.

— Доступ ограничен.

— Тогда вызовите Тэссу Рой.

— Госпожа Рой на Южном терминале.

— Тем лучше. Я тоже туда собиралась.

Лифт за его спиной звякнул, двери разошлись. Из кабины вышел директор Илан Кер в сером костюме без единой светящейся нити. Руководители обсерватории любили одежду, которую не могли прочесть датчики эмоций. Я всегда считала это старомодной осторожностью. В тот вечер впервые подумала, что им просто было что скрывать.

— Лея, — сказал он мягко. — Как вы себя чувствуете?

— Как человек, которому не показывают приказ о его задержании.

— Никто вас не задерживает. Мы защищаем вас от нагрузки.

— Откройте лифт.

— После осмотра.

— Осмотр закончен.

— Предварительный. Ваше послезвучие сформировало ложный маршрут.

— Вы уже решили, что он ложный?

Кер чуть повернул голову. Его глаза были почти бесцветными, как зимнее небо над куполом.

— Маршрут отсутствует в атласе.

— В атласе отсутствовали все маршруты, пока их кто-нибудь не услышал.

— История картографии не поможет Дани Реву.

— А секретный протокол поможет?

Охранник смотрел в стену. Врач стояла в дверях кабинета и держала экранированный датчик обеими руками.

Кер вздохнул.

— Жетон господина Рева мог разрушиться. Это не означает гибель человека. Аварийная группа проверяет доступные варианты. Вы останетесь здесь до утра. Мы отменим завтрашнюю сессию и сообщим публике о технической неисправности.

— Какой публике? Это была закрытая репетиция.

На мгновение он замолчал.

Совсем ненадолго. Меньше семи десятых секунды.

Но после сегодняшнего я знала, сколько всего может случиться после того, как звук должен оборваться.

— Подготовительная сессия регистрировалась системой, — сказал Кер. — Новости распространяются быстро.

— Какая система регистрирует закрытую репетицию как публичное событие?

— Лея, сейчас не время разбирать формулировки.

— Именно сейчас.

Внутри меня снова запела нота.

На этот раз я была готова. Не зажала уши и не попыталась проглотить звук. Просто стояла и чувствовала, как он появляется ниже горла, словно мой голос хранился не в теле, а где-то рядом и возвращался без разрешения.

Лампа над лифтом мигнула.

На её белом стекле проступила тонкая линия карты. Река. Обрыв моста. Красные крыши на другом берегу.

И одна маленькая точка.

Она двигалась.

— Дани жив, — сказала я.

Кер быстро посмотрел на лампу. Слишком быстро для человека, который видел случайную игру света.

Потом он шагнул ко мне, и нота исчезла.

— Откуда вам известно?

— Вы тоже видели.

— Я видел перегрузку осветительной сети.

— На перегрузках теперь строят красные крыши?

Врач приблизилась к стене, но Кер остановил её жестом.

— Госпожа Варн останется в изолированном крыле, — сказал он охраннику. — Без резонансных поверхностей и связи до повторного теста.

— Связь не создаёт послезвучия.

— Зато создаёт панику.

Вот тогда я испугалась по-настоящему.

Не запрета петь и не пустой точки на карте. Я испугалась готового объяснения, которое возникло у директора раньше, чем завершилось событие. «Ложный маршрут». «Техническая неисправность». «Паника». Слова уже лежали на своих местах, будто кто-то заранее составил легенду карты.

Я отступила в кабинет прежде, чем охранник успел коснуться моего локтя.

— Хорошо, — сказала я. — Я останусь.

Кер изучал моё лицо, ожидая сопротивления. Он плохо меня знал. Сопrotивляться на сцене — значит брать ноту выше. Сопrotивляться в обсерватории — значит иногда дать окружающим услышать удобную тишину.

Дверь закрылась. Электронный замок щёлкнул.

Я подождала, пока шаги стихнут, и вернулась к диагностическому креслу. Экранирующий чехол с датчиком врач унесла, но на столе осталась бумажная лента первого измерения. Серебряная игла посреди моего молчания была слишком тонкой, чтобы увидеть её издалека.

Под ней прибор напечатал служебную строку:

`СОВПАДЕНИЕ С АРХИВНЫМ ОБРАЗЦОМ: 99,7 %`

Ниже стоял номер записи и дата.

Запись сделали одиннадцать лет назад.

В тот год я впервые спела для Обсерватории и подписала согласие на хранение трёх учебных партий. Мне сказали, что их используют, чтобы настроить залы под мой диапазон.

Я сложила ленту вчетверо и спрятала под ремешок часов.

За матовой стеной едва слышно загудела вентиляция. В этом крыле не должно было быть эха, но мой внутренний звук ответил ей короткой нотой. На мгновение проступила карта: красные крыши, оборванный мост, человек возле тёмной воды.

Теперь точек было две.

Одна принадлежала Дани.

Вторая двигалась к нему со стороны обсерватории.

Я не знала, кто умел входить в несуществующий маршрут. Знала только, что этот человек появился там раньше аварийной группы.

И что одиннадцать лет назад я отдала Обсерватории не три учебные партии.

Я отдала ей возможность петь после моего молчания.

Глава 2. Город рядом с собой

Человек у тёмной воды поднял голову.

Я не могла различить его лица, только светлое пятно кожи и одну руку, прижатую к груди. Дани стоял на берегу чужого Эмбера, а по улице за красными крышами двигался второй огонёк. Он шёл от обсерватории — от того места, где в нашем городе возвышался главный купол.

Кто-то уже прокладывал к нему путь.

Я моргнула, и карта на матовой стене исчезла. Осталась вентиляционная решётка с шестью узкими прорезями. В каждой дрожал воздух.

Изоляционное крыло строили для певцов после срыва несущей. Ни металла, ни стекла, ни прямых углов, в которых звук мог бы собраться и вернуться. Архитекторы предусмотрели почти всё, кроме старой привычки Нора не доверять дверям.

Моя сестра настраивала слуховые протезы двумя этажами ниже и считала, что любое помещение должно иметь второй выход, особенно если хозяин утверждает обратное. Год назад она показала мне служебный канал в медицинском крыле: узкую дверь за шкафом с бельём, которой пользовались настройщики акустических панелей.

Тогда я рассмеялась и спросила, зачем мне это знать.

«Чтобы однажды не ждать разрешения», — ответила Нора.

Я сняла туфли, завернула их в куртку и подождала очередной обход. Охранник появился ровно через семь минут после ухода Кера. Его шаги гасли в мягком полу, но замок выдавал присутствие коротким щелчком. Потом снова стало тихо.

Шкаф оказался заперт. Я выдернула бумажную ленту из-под ремешка часов, расправила её и просунула в щель между створками. Бумага была плотной, пропитанной серебряной пылью для печати спектров. После третьей попытки язычок защёлки отступил.

За стопками серых простыней обнаружилась панель без ручки. Я нажала на правый верхний угол, как учила Нора. Панель вздохнула и отошла от стены.

В канале пахло пылью и сухим деревом. Ползти пришлось на четвереньках. Куртка цеплялась за винты, в коленях отдавалась каждая секция воздуховода. Впереди каждые пять метров горели служебные метки: синие точки, невидимые из палат. Я добралась до развилки и увидела три стрелки, выцарапанные на стене чьим-то ногтем.

Нора оставила их не для меня. Она оставляла подсказки всем, кто работал в зданиях, придуманных людьми без слуха к чужому страху.

Левая стрелка вела к лестнице.

Я спустилась на этаж диагностики и вышла в пустую настройщицкую. На столе лежали раскрытые инструменты: костяные камертоны, катушки проводящей нити, чашка с засохшим чаем. На спинке стула висел белый халат. Я надела его поверх концертного платья и собрала волосы под сетку. Получилось неубедительно, но ночью люди замечают не лица, а уверенность шага.

Мне нужна была легенда восьмой линии.

Легендой картографы называли не объяснение и не старую сказку. Это была таблица всего, что удерживало маршрут: частота, эмоциональный состав, допустимое отклонение, голоса-источники. Без легенды линия оставалась красивым светом под стеклом. С легендой становилось понятно, почему она возникла и куда могла привести.

Каждая линия, даже ложная, должна была оставить временную легенду в центральном регистраторе.

До него было два коридора и один пост.

Я двигалась к лифту, опустив глаза на планшет, взятый со стола. Экран просил приложить ладонь владельца. Издалека это выглядело как работающий прибор. У поста дежурила

женщина с серебряной нашивкой безопасности. Она читала сообщение и не подняла головы, пока я не прошла турникет.

Турникет загорелся красным.

— Стойте.

Я остановилась, продолжая смотреть в планшет.

— Настройка шестой палаты, — сказала я. — Панели дают боковой отклик.

— Пропуск.

— В мастерской. Я вышла на минуту.

Женщина наконец посмотрела на меня. Её взгляд задержался на концертной сетке в волосах, потом на босых ногах.

— Госпожа Варн?

Врать дальше не имело смысла.

Внутри горла возникло знакомое напряжение. Послезвучие не спрашивало, готова ли я. Оно собиралось ниже ключиц, холодное и точное.

— На восьмой линии находится человек, — сказала я. — Мне нужен доступ к регистратору.

— Вам предписана изоляция.

— Покажите приказ.

— Вернитесь в палату.

— Вы видели Дани Рева?

Она чуть нахмурилась.

— Курьера?

— Его жетон пропал над рекой. Он жив. К нему направляется кто-то ещё.

Женщина убрала руку от тревожной пластины.

— Аварийная группа вышла через Вторую линию.

— Вторая ведёт в другой город.

На её лице мелькнуло сомнение. Значит, Кер не успел раздать всем готовую версию — или выдал слишком мало подробностей.

— Меня зовут Веста Арн, — сказала она. — Я отвечаю за этот пост и не могу пустить вас к регистратору.

— Тогда вызовите Тэссу.

— На терминале не отвечают.

Послезвучие толкнулось в грудь. Я сжала зубы. Если оно вырвется здесь, сигнализация услышит раньше нас.

— Через минуту директор обнаружит пустую палату, — сказала я. — У вас есть выбор: вернуть меня, не узнав, почему в карте появился живой человек, или провести к временному журналу и присутствовать при каждом моём действии.

— Это не выбор. Это нарушение двух протоколов.

— Тогда выбирайте, какой нарушить первым.

Веста посмотрела в сторону камер. Потом коснулась нашивки и заглушила турникет.

— Три минуты. Если журнал закрыт директорским ключом, вы уходите со мной.

— Согласна.

Она приложила ладонь к планшету. Экран открылся под моими пальцами.

— И обувь наденьте, госпожа Варн. Вы выглядите как привидение после премьеры.

Регистратор находился не в центральном зале, как думали посетители, а в маленькой комнате между шахтами двух куполов. Там не было окон. Семь узких экранов повторяли семь действующих линий, а восьмой оставался чёрным.

Веста заперла дверь изнутри.

— Временный журнал — две минуты памяти, — сказала она. — После аварии должен был уйти в Центральную карту.

— Найдите сессию по моему имени.

Она ввела номер репетиционного зала. На чёрном экране появилась белая строка:

`СЕССИЯ ПЕРЕНЕСЕНА В АРХИВ. ОСНОВАНИЕ: КОРРЕКЦИЯ ЛОЖНОГО СИГНАЛА.`

— Кто подписал коррекцию?

Веста открыла служебное поле.

Подписи не было.

— Так не бывает, — сказала она.

— Сегодня это уже слабый довод.

Я достала диагностическую ленту и положила рядом с клавиатурой.

— Архивный образец можно поднять по номеру?

— Медицинская запись.

— Моя запись.

— Но не мой уровень допуска.

— У вас есть доступ к журналу входов. Посмотрите, кто перенёс сессию.

Веста колебалась, затем развернула планшет к себе. По её пальцам я поняла ответ раньше, чем она произнесла его.

— Никто.

— Что значит «никто»?

— Перенос проведён ключом Центральной карты. Без пользователя.

На секунду мне стало легче. Машина ошиблась. Очень сложная, слишком важная машина, но всё-таки машина. Потом я вспомнила готовые слова Кера и второй огонёк у красных крыш.

— Покажите копию до переноса.

— Её нет.

— Временный журнал хранит две минуты.

— Хранил. Прошло сорок восемь.

Я посмотрела на семь спокойных линий. По ним шли люди, не подозревая, что восьмую вычеркнули из истории меньше чем за час.

Послезвучие снова поднялось во мне.

На этот раз я позволила ему выйти.

Рот оставался закрытым. Серебряное «а» возникло в комнате само, и экраны дрогнули. Веста отшатнулась к двери. Семь линий погасли. На чёрном восьмом экране проступил город с красными крышами.

Белая точка Дани находилась у воды. Вторая была уже на соседней улице.

Между ними развернулась легенда.

Сначала я увидела обычные слои: высоту тона, плотность резонанса, прогноз устойчивости. Система ставила линии цветные метки — зелёные для пространственных совпадений, синие для памяти места, янтарные для эмоционального шума.

Янтарного было больше всего.

— Скопируйте, — сказала я.

Веста не двигалась.

— Это невозможно.

— Что именно?

— Регистрировать карту без активного голоса.

— Голос активен. Просто не во мне.

Она посмотрела на мой закрытый рот и побледнела.

— Скопируйте легенду, Веста.

Она вставила в пульт тонкую служебную пластину. Полосы данных побежали быстрее. Я читала заголовки, пока могла удерживать звук.

ИСТОЧНИК НЕСУЩЕЙ: ВАРН Л.

АРХИВНАЯ ДАВНОСТЬ: 11 ЛЕТ 04 МЕСЯЦА.

Ниже шёл перечень параметров, которых не должно было существовать.

Не высота. Не тембр. Не длительность вдоха.

СТРАХ УТРАТЫ СЕСТРЫ: 0,81.

Я сбилась.

Звук качнулся, и линия над рекой истончилась.

— Продолжайте, — резко сказала Веста.

Я не понимала, как продолжать то, чего не делала, но прижала ладонь к груди и вспомнила ноту. Не мелодию — вечер одиннадцать лет назад. Нора лежала в клинике после воспаления, почти ничего не слышала, а я впервые вошла в обсерваторию и подписала согласие на три учебные партии. Мне обещали оплатить новый контур её протеза.

Серебряный звук стал ровнее.

На экране раскрылись следующие строки.

ВИНА ЗА ОБЛЕГЧЕНИЕ: 0,64.

ПРИВЯЗАННОСТЬ К Т. РОЙ: 0,73.

ПОТРЕБНОСТЬ В ОДОБРЕНИИ: 0,58.

ГОТОВНОСТЬ К САМОПОВРЕЖДАЮЩЕЙ НАГРУЗКЕ: 0,76.

В горле стало сухо. Это были не показатели линии. Это была я — молодая, испуганная, благодарная за деньги и готовая петь столько, сколько попросят, лишь бы никто не передумал помогать Норе.

— Архив хранит эмоциональные признаки? — спросила Веста.

— Нет.

— Я вижу, что хранит.

— По согласию хранит вокальные параметры. Дыхание, диапазон, устойчивость. Чувства допустимо учитывать только в текущей сессии и обезличенно. После построения карты они должны удаляться.

Веста указала на нижний край легенды.

— Здесь ещё слой.

Я прокрутила таблицу.

Под моими данными появились чужие.

РЕВ Д. / ПРИВЯЗАННОСТЬ К ДОМУ: 0,69.

РЕВ Д. / СТРАХ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ОШИБКИ: 0,84.

РЕВ Д. / ВЕРОЯТНОСТЬ ПОДЧИНЕНИЯ МАРШРУТУ: 0,91.

— Они знали, что он войдёт, — сказала я.

— Это прогноз.

— Это подбор человека.

Дани выбрали не потому, что он оказался на терминале. Кто-то знал: молодой курьер, боящийся ошибиться, с вероятностью девяносто один процент пойдёт по указанной линии, даже если город за рамкой покажется незнакомым.

На карте вторая точка свернула к реке.

Рядом с ней не было имени. Только служебный код аварийной группы.

— Они добрались до него, — сказала Веста.

— Нет. Аварийная группа вошла через Вторую линию. Это кто-то другой.

Безымянная точка остановилась в квартале за спиной Дани. Красные крыши вспыхнули янтарём. Легенда добавила строку:

ЦЕЛЕВОЕ СОБЫТИЕ: КОНТАКТ.

— Можно открыть голосовую связь?

— Только через активную несущую.

— Она активна.

— Не зарегистрированным способом.

— У нас заканчиваются способы, которые кому-то разрешены.

Веста включила канал. В динамике зашипела вода. Потом раздалось прерывистое дыхание.

— Дани, — позвала я. — Это Лея Варн. Вы меня слышите?

Тишина.

— Не оборачивайтесь. Идите вдоль воды к оборванному мосту.

Динамик щёлкнул.

— Я знаю ваш голос, — прошептал мужчина. — Вы поёте переходы.

— Сейчас неважно. Видите мост?

— Здесь два моста. Один целый, но по нему никто не ходит. Второй заканчивается над рекой.

— Идите ко второму.

— Мне велели ждать.

— Кто?

— Сообщение на жетоне. После того как линия закрылась. «Оставайтесь на месте, помощь прибудет».

Безымянная точка снова двинулась.

— Помощь пришла не с нашей аварийной группой. Дани, вы должны решить сами. Но если останетесь, через несколько минут вас найдёт человек, которого система не называет.

— А у моста что?

Я посмотрела на оборванную линию. За ней начинался участок без карты.

— Не знаю.

Он коротко рассмеялся. Смех сорвался в кашель.

— Хорошая у вас работа. Петь людям дороги и не знать, куда они ведут.

Я могла сказать, что обычно знала. Что семь линий проверены поколениями картографов. Что сегодня всё было иначе. Но легенда передо мной доказывала: иначе было давно, просто не для меня.

— Вы правы, — сказала я. — Поэтому я не приказываю. Я прошу вас не отдавать решение сообщению, которое составили по вашему страху ошибиться.

В динамике снова зашумела вода.

Белая точка Дани сдвинулась к мосту.

Безымянная ускорила.

— Копия готова, — сказала Веста.

В коридоре завывала тревога.

Дверь регистратора заблокировалась. На экранах появились красные рамки, отсекая восьмую линию от остальных.

— Нас нашли, — сказала Веста.

— Отправьте копию Тэссе.

— Внешняя связь закрыта.

— Тогда Норе Варн. Внутренняя мастерская протезов.

Веста коснулась панели, но служебная пластина не вышла из гнезда.

ИЗЪЯТИЕ НОСИТЕЛЯ ЗАПРЕЩЕНО ДО ЗАВЕРШЕНИЯ ПРОВЕРКИ.

С той стороны двери ударили ладонью.

— Служба безопасности! Откройте регистратор.

На карте Дани дошёл до края моста. Безымянная точка появилась в конце улицы.

— Лея, — прошептал он в динамике. — Там женщина.

— Вы её знаете?

— Нет. На ней форма обсерватории.

Точка остановилась.

— Она говорит, что пришла вернуть меня.

Я посмотрела на легенду. Рядом с целью «контакт» раскрывался прогноз исходов. Первый обещал безопасный возврат с вероятностью восемьдесят семь процентов. Второй — повреждение линии. Третий был свёрнут под серой меткой.

Я коснулась её.

‘КОРРЕКЦИЯ СВИДЕТЕЛЯ.’

— Не подходите к ней, — сказала я.

Дверь содрогнулась. Веста выдернула из стены панель аварийного питания. Свет погас, но восьмой экран продолжал гореть от моего звука.

— Теперь пластина, — сказала она.

Блокировка исчезла. Я выхватила носитель.

— Есть другой выход?

— Нет.

— Нора бы с вами поспорила.

Веста впервые улыбнулась — быстро и сердито. Нажала обеими ладонями на боковую стену. За ней обнаружилась шахта обслуживания, слишком узкая для плеч взрослого человека.

— Протиснуться можно, — сказала она. — Но только одной.

— Идите вы.

— Это ваши данные.

— А ключ доступа ваш. Без вас пластина закроется через пять минут.

Снаружи включили резак. По краю двери побежала белая полоса.

Я сунула пластину Весте в нагрудный карман.

— Найдите Нору. Скажите: город рядом с собой. Она поймёт, что это от меня.

— Что это значит?

Так Нора называла Отражения в детстве. Не другие миры, не варианты. Города рядом с собой — места, где всё почти совпало, кроме одного решения.

— Значит, ей нельзя верить приказам с моей подписью, пока я не скажу это лично.

Веста шагнула в шахту и обернулась.

— А вы?

— Останусь на связи с Дани.

— Вас снова изолируют.

— Тогда пусть попробуют сделать это при включённой карте.

Она втянулась в проход, прижимая руки к бокам. Панель закрылась за ней за секунду до того, как дверь регистратора распахнулась.

Вошли четверо. Первым — Илан Кер.

Он увидел пустое гнездо носителя, восьмую линию и меня у микрофона. Ни удивления, ни гнева. Только усталость человека, чья тщательно рассчитанная партия неожиданно потребовала ещё одного такта.

— Лея, отойдите от пульта.

— На линии Дани Рев. Ваш сотрудник приближается к нему с задачей «коррекция свидетеля».

Кер перевёл взгляд на легенду.

Серая строка исчезла.

— Вы неверно прочитали служебный код.

— А мои чувства тоже служебный код?

Я вывела на весь экран запись о страхе потерять Нору. Один из охранников отвернулся, словно случайно увидел меня раздетой.

— Я не соглашалась хранить это, — сказала я. — Тем более использовать для маршрутов.

— Эмоциональные коэффициенты необходимы для безопасности.

— Тогда почему их нет в условиях согласия?

— Обсудим после стабилизации линии.

— Она стабильна.

— Она держится на симптоме, который угрожает вашему здоровью.

Серебряная нота внутри меня стала тоньше. Во рту появился вкус крови. Кер заметил, как я сглотнула, и подошёл ближе.

— Вы не обязаны спасать каждого человека ценой себя.

— А кто решил, что цену назначаете вы?

В динамике раздался голос Дани:

— Лея, она идёт ко мне.

Я посмотрела на карту. Между ним и женщиной оставалось несколько шагов. За спиной Дани обрывался мост, дальше была чёрная река и ещё один город, едва намеченный серебром.

— Видите целый мост? — спросила я.

— Да.

— Вы сказали, по нему никто не ходит. Значит, он может быть не мостом, а совпадением картинки. Не выбирайте его только потому, что он выглядит безопасным.

— А оборванный?

— Он честно показывает, где кончается моё знание.

Дани молчал.

Кер протянул руку к аварийному выключателю.

Я ударила ладонью по защитной крышке раньше него.

Послезвучие сорвалось на полтона вверх. Карта вспыхнула так ярко, что люди закрыли глаза. На мгновение красные крыши стали прозрачными. Под ними обнаружился наш Эмбер: те же улицы, та же река, обсерватория в том же месте. Города лежали не друг за другом. Они занимали одно пространство и расходились там, где люди принимали решения.

Дани шагнул к оборванному мосту.

Его точка исчезла.

Женщина в форме остановилась на берегу.

— Нет, — выдохнула я.

Потом на одном из семи обычных экранов, на линии к Южному терминалу, появился новый жетон.

РЕВ Д. / ВОЗВРАТ БЕЗ МАРШРУТА.

В динамике кто-то закричал. Я узнала Тэссу.

— Дани у нас! Врача сюда!

Нота оборвалась.

Я оперлась о пульт. Комната качнулась, но речь осталась со мной.

Кер выключил восьмой экран. Теперь это ничего не меняло. Веста унесла копию, Тэсса получила живого свидетеля, а четверо охранников видели мои чувства в легенде карты.

— Вы вернётесь в медицинское крыло, — сказал директор.

— Вернусь. Но не в изоляцию.

— Это определит врач.

— И мой представитель.

— Какой представитель?

Я не знала. У певцов были агенты, наставники и врачи. Никто из них не имел права проверять Центральную карту. Но я уже поняла, что спорить с обсерваторией на её языке можно только человеком, который знает, где в правилах спрятаны двери.

— Независимый специалист по этике данных, — сказала я.

Кер застыл едва заметно.

Вот теперь я попала в ноту.

— Завтра утром, — продолжила я, — я подам официальный запрос на аудит моего архива. До его завершения запрещаю использовать любые мои записи, кроме активного спасения Дани Рева.

— Ваш контракт не предусматривает одностороннего запрета.

— А хранение моего страха предусматривает?

Он не ответил.

Охранники отвели меня обратно тем же коридором. У турникета стоял брошенный планшет. На экране мигало входящее сообщение без подписи:

`Аудитор Самир Эйд уведомлён об аномалии. Прибытие — 08:00.`

Я никогда не слышала этого имени.

Но Илан Кер слышал. И боялся его достаточно, чтобы прислать за моим первым свидетелем человека через несуществующий город.

Глава 3. Прогноз на двоих

К восьми утра весь Эмбер знал, с кем мне суждено расстаться.

Я узнала об этом от санитарки. Она принесла воду, поставила стакан на тумбу и слишком долго поправляла салфетку.

— Скажите, — попросила я.

— Что?

— То, о чём вам запретили со мной говорить.

Она покраснела и показала браслет. Над запястьем развернулась новостная лента. Моё лицо соседствовало с лицом Арвена Лота — скрипача, с которым мы трижды выступали прошлой зимой и один раз ужинали после концерта. Заголовок обещал точность до дня:

‘КАРТА СОЮЗА: ЛЕЯ ВАРН И АРВЕН ЛОТ РАССТАНУТСЯ ЧЕРЕЗ 21 ДЕНЬ.’

Ниже мелким шрифтом стояло: «Совместимость — семьдесят четыре процента. Неизбежность разрыва — девяносто два».

— Мы никогда не были вместе, — сказала я.

Санитарка отвела глаза.

— Простите.

— Вам не за что.

— Там есть запись.

Она коснулась заголовка. В палате заиграл мой голос.

Не песня. Смех.

Я смеялась в гримёрной после декабрьского концерта, когда Арвен уронил смычок в вазу с искусственным снегом. Потом он сказал: «Если мы когда-нибудь поженимся, посуду моешь ты». Я ответила: «Если мы когда-нибудь поженимся, это будет главным доказательством ошибки карт».

Разговор слышали только мы и мой сценический регистратор, который я не выключила после поклона.

Запись оборвалась перед нашим следующим обменом. Арвен тогда добавил: «К счастью, мы оба предпочитаем женщин». Я попросила познакомить его с Норой, он сказал, что у неё слишком строгий вкус. Мы ещё десять минут спорили о темпе последней пьесы.

В прогнозе оставили шесть секунд.

— Кто это продаёт?

Санитарка свернула ленту.

— Дом «Созвездие». Двадцать семь марок за полный разбор. Я не покупала, честно.

— Сколько покупателей?

Она снова открыла страницу. Счётчик перевалил за сорок тысяч.

Врач вошла без стука и выключила её браслет.

— Госпоже Варн нужен покой.

— Госпоже Варн нужен её коммуникатор.

— Дирекция временно ограничила внешнюю связь.

— Тогда пригласите Арвена Лота и юриста.

— Я могу пригласить только назначенного аудитора.

— Где он?

Врач посмотрела на часы.

— Опаздывает.

За дверью кто-то ответил:

— На четыре минуты. Южный лифт заблокирован службой безопасности.

Мужчина вошёл в палату, не дожидаясь разрешения. Высокий, в тёмно-синей рубашке с закатанными рукавами, с дорожной сумкой через плечо. На виске серебрилась ранняя седина. Он остановился у порога и показал пустые ладони.

— Самир Эйд. Независимая коллегия астрономов этики. Моё назначение действительно до полудня, если директор не найдёт ещё один способ отменить время.

— Вы всегда начинаете знакомство с жалобы на лифт?

— Только когда лифт нарушает процедуру аудита.

Он говорил спокойно, но не мягко. Будто каждое слово уже прошло проверку на двусмысленность.

— Вы видели прогноз? — спросила я.

— Да.

— Тогда знаете, что он ложный.

— Знаю, что исходные данные получены без действующего согласия. Истинность вывода — другой вопрос.

— Мы с Арвенom не пара.

— Это делает вывод ещё хуже, но не обязательно ложнее в математическом смысле. Модель могла предсказывать разрыв любого устойчивого контакта и неверно назвать его романтическим.

— Вы пришли защищать модель?

— Я пришёл выяснить, что она сделала. Защищать придётся людей.

Врач попросила его приложить допуск к стене. Самир развернул удостоверение так, чтобы видела и я. В разрешении значились медицинский архив, Центральная карта и финансовый журнал прогнозов.

— Мне нужен разговор без сотрудников обсерватории, — сказал он.

— Я врач.

— Именно поэтому останетесь за дверью и войдёте, если госпоже Варн станет плохо.

Врач посмотрела на меня. Я кивнула.

Когда дверь закрылась, Самир не сел. Снял со стены круглый датчик, положил в экранирующий ящик и только потом придвинул стул.

— Здесь ещё три микрофона, — сказала я.

— Два. Третий — пожарный сенсор.

— Утешает.

— Не должно.

Он отключил панели у изголовья и вынул из сумки бумажный блокнот.

— Ваше послезвучие сейчас активно?

— Это медицинский вопрос или аудиторский?

— Вопрос безопасности. Если система использует вашу архивную запись как несущую, любой разговор рядом с вами может попасть в карту.

— Я не знаю. Оно появляется само.

— Боль?

— Металлический вкус. Напряжение под ключицами. После долгого удержания — кровь во рту.

Он записал это и перевернул блокнот ко мне. Ни оценок, ни диагноза. Только мои слова.

— Подтверждаете?

— Да.

— Теперь о прогнозе. Когда вы разрешили сценическому регистратору передавать частные разговоры?

— Никогда.

— Доступ к декабрьской записи?

— У меня, у техника площадки и у обсерватории — только для калибровки концерта.
— У Арвена?
— Нет. Его голос должен был автоматически обезличиться.
Самир написал ещё одну строку.
— Прогноз купили сорок три тысячи раз. Дом «Созвездие» перечисляет обсерватории треть выручки за вычислительный доступ.
— Значит, Кер его остановит.
— Кер утвердил лицензию дома три года назад.
— А вы?
Вопрос заставил его отложить карандаш.
— Я разработал критерий устойчивой эмоциональной связи, на котором построена их модель.
— Значит, вы всё-таки пришли защищать её.
— Нет. Я пришёл потому, что мою работу используют для того, против чего она была создана.
— Обычно так говорят люди, которым не хочется отвечать за последствия.
Он выдержал мой взгляд.
— Обычно справедливо.
Я ждала оправдания. Он не предложил.
— Ваш критерий умеет предсказывать любовь?
— Нет. Он замечает, какие чувства часто меняются вместе. Если страх одного человека усиливается вслед за молчанием другого, между рядами данных возникает связь. Она может означать любовь, зависимость, общую работу или то, что у людей один шумный сосед.
— А «Созвездие» пишет девяносто два процента неизбежности.
— Вероятность модели описывает её уверенность в собственной классификации. Не будущее.
— Для покупателя разницы нет.
— В этом и преступная подмена.
Слово прозвучало без нажима. От этого стало весомее.
Я рассказала ему о легенде восьмой линии, чувствах в архиве и «коррекции свидетеля». Имя Весты не назвала. Самир не требовал. Спросил только, существует ли копия.
— Не у меня.
— Хорошо.
— Почему хорошо?
— Потому что через минуту меня обыщут.
В дверь постучали.
Илан Кер вошёл с двумя юристами и моим коммуникатором в прозрачном пакете.
— Господин Эйд, срок вашего допуска приостановлен, — сказал он. — Обнаружено нарушение порядка назначения.
— Какое?
— Жалобу подала сама носительница данных, находясь под действием акустической аномалии. Её дееспособность в момент подачи не подтверждена.
— Жалобу подала не я, — сказала я. — Я только потребовала аудит.
Кер посмотрел на Самира.
— Кто вас уведомил?
— Автоматический контур этического риска.
— Такой контур не имеет права назначать аудит.
— И не назначал. Назначила коллегия после получения сигнала о несовершеннолетнем голосе в коммерческом прогнозе.

В палате стало тихо.

— Каком голосе? — спросила я.

Самир повернулся ко мне.

— Ваш архивный образец записан одиннадцать лет назад. Вам было двадцать три. Но внутри него обнаружена вторая дорожка — голос пациентки клиники, для которой вы просили оплатить протез. Семнадцатилетней Норы Варн.

Я встала слишком быстро. Пол качнулся.

— Нора не пела для обсерватории.

— Она сказала три слова в комнате оформления. Этого хватило, чтобы связать её реакцию с вашей.

— Какие слова?

Самир посмотрел в записи.

— «Я справлюсь сама».

Нора говорила это всякий раз, когда боялась, что не справится.

Кер шагнул между нами.

— Необработанная дорожка никогда не использовалась отдельно.

— Она вошла в прогноз «Созвездия», — ответил Самир. — Не как голос, а как коэффициент страха госпожи Варн потерять сестру. Коммерческое использование данных несовершеннолетней без согласия представителя автоматически открыло внешний аудит.

— Временная техническая ошибка.

— Длиной в одиннадцать лет?

Один из юристов Кера прошептал ему что-то. Директор поднял ладонь.

— Мы остановим продажу конкретного прогноза до выяснения.

— Уже поздно, — сказала я. — Сорок три тысячи человек купили ложь.

— Тогда опубликуем разъяснение.

— Полную запись.

— В ней содержатся частные данные господина Лота.

— Он даст согласие.

— Вы не можете говорить за него.

— Верно. Поэтому верните коммуникатор.

Кер кивнул юристу. Тот разрезал пакет и передал устройство мне. На экране было двести сообщений. Первым — от Арвена:

‘Моя мать уже выбирает нам прощальный торт. Позвони, пока нас не развели до знакомства.’

Я включила связь. Он ответил сразу, с растрёпанными волосами и скрипкой за плечом.

— Наконец-то. Ты в порядке?

— Не совсем. Разрешешь опубликовать разговор целиком?

— Разумеется.

— Подумай. Там есть твоя личная жизнь.

— Моя личная жизнь сейчас состоит в том, что незнакомцы присылают соболезнования моей девушке. Она считает это смешным, но ещё час — и перестанет.

Рядом с ним появилась женщина и помахала мне. Я знала её: Мира, мастер концертного света.

— Публикуйте, — сказала она. — И добавьте, что Арвен никогда не моет посуду.

— Клевета, — возмутился он.

Я впервые за ночь улыбнулась.

— Я пришлю форму согласия.

— Не присылай через обсерваторию.

— Через аудитора.

Арвен увидел Самира за моим плечом и стал серьезнее.

— Лея, кто бы ни выпустил запись, у него есть ещё материал. После концерта регистратор работал почти час.

— О чём мы говорили?

— О твоём голосе. Ты сказала, что иногда продолжаешь слышать ноту после молчания. Это было за три месяца до первой заметной аномалии.

Кер отвернулся к окну.

— Спасибо, — сказала я и закончила связь.

Самир уже писал запрос.

— Декабрьская запись доказывает, что симптом был известен системе раньше медицинской регистрации, — сказал он. — Мне нужен весь журнал обращений к файлу.

— После решения юристов, — ответил Кер.

— Решение уже принято законом о голосовом согласии.

— Вы давно не работаете внутри обсерватории, господин Эйд. Здесь есть последствия, которых ваша кафедра не учитывает.

— Например?

— Остановка Центральной карты закроет переходы. Люди останутся по разные стороны.

— Я не требовал остановки.

— Пока.

Они смотрели друг на друга не как незнакомые специалисты. Между ними лежал старый спор, в котором я пока слышала только последнюю фразу.

На моём коммуникаторе обновился прогноз. Продажу остановили. Вместо кнопки покупки появилась надпись:

‘МАТЕРИАЛ СНЯТ ПО ТРЕБОВАНИЮ ЛЕИ ВАРН.’

Не из-за незаконной записи. Не из-за несовершеннолетнего голоса. По моей прихоти.

Комментарии росли быстрее, чем я успевала читать: «Боятся правды». «Карты не ошибаются». «Если они не пара, значит, скрывают». Люди спорили о моей жизни, защищая прибор от фактов.

Я показала экран Самиру.

— Как исправить прогноз, в который уже поверили?

— Не исправлять. Показать, как он сделан.

— Они скажут, что это единичная ошибка.

— Тогда придётся доказать систему.

— За двадцать один день?

Он нахмурился.

— Почему двадцать один?

— Столько оставил нам «Созвездие» до разрыва.

— Это не срок.

— Для сорока трёх тысяч покупателей — уже срок. Через три недели они захотят увидеть исполнение. Если его не будет, найдут другой разрыв и назовут нашим.

Самир закрыл блокнот.

— Тогда за двадцать один день мы установим, откуда взялись данные, кто продал доступ и почему Центральная карта строит маршруты по страху.

— Мы?

— Аудит требует участия владельца голоса. Но вы можете отказаться.

Я посмотрела на Кера, на удалённый прогноз и на строчку, где моё требование превратили в каприз.

— Не могу.

Самир протянул мне лист допуска. Внизу оставалось место для подписи и отдельная строка: «Владелец вправе остановить исследование в любой момент без объяснения причин».

— Это действительно работает? — спросила я.

— Если перестанет, я уйду вместе с вами.

Я подписала.

Послезвучие откликнулось короткой нотой. На белой стене между нами появилась линия, тонкая, как след карандаша. Она не вела к красным крышам. Она соединяла две точки в этой палате и дрожала, не решаясь стать маршрутом.

Самир заметил её.

И первым отвёл взгляд.

Глава 4. Астроном этики

Центральная карта не любила свидетелей.

Она занимала весь круглый зал под куполом обсерватории, но показывалась только одному человеку за раз. Когда техник открывал доступ, тёмное стекло пола светлело под ногами допущенного, а для остальных оставалось зеркалом. Так объясняли защиту частных чувств: каждый видел лишь тот слой, на который имел право.

На деле карта просто умела делать соучастников одинокими.

Я стояла у входа в зал, закутанная в серое больничное пальто, и наблюдала, как Самир спорит с пропускной рамкой.

— Запрос подтверждён внешней коллегией, — в третий раз сказал он.

— Подтверждение принято, — ответила рамка женским голосом. — Укажите эмоциональную цель посещения.

— Аудит.

— Это служебная цель. Укажите эмоциональную.

— Раздражение.

— Ответ не соответствует допустимому словарю.

— Тогда расширьте словарь.

Я прислонилась плечом к стене. После двух часов сна тело ощущалось чужим и плохо настроенным инструментом. Врач отпустила меня только под подпись, что я не буду петь, открывать переходы и удаляться от медицинского маяка дальше чем на триста метров. Центральный зал находился в двухстах восьмидесяти семи.

— Попробуйте «забота», — предложила я.

Самир оглянулся.

— Это будет неправдой.

— Неужели ни о ком не заботитесь?

— Забочусь. Но рамка спрашивает, зачем я пришёл сюда.

— А вы пришли раздражаться профессионально.

Уголок его рта дрогнул. Он повернулся к рамке.

— Предотвращение вреда.

— Допустимый ответ, — сообщила она и впустила нас.

За дверью ждал Кер. Директор успел сменить костюм, но не выражение лица. Рядом с ним стояли двое операторов карты и женщина в красном жакете, представившаяся Ливией Сорн, главным юристом обсерватории.

— Госпожа Варн допущена только как владелец исследуемого голоса, — сказала Ливия. — Она не должна видеть данные третьих лиц.

— Я согласен, — ответил Самир.

— И не должна воздействовать на карту.

— С этим сложнее, — сказала я. — Карта воздействует мной сама.

Ливия не улыбнулась.

На пороге нам выдали прозрачные перчатки. Они были нужны не для чистоты: тонкая сетка в материале записывала прикосновения и не позволяла скопировать световой слой ладони. Самир надел одну перчатку, вторую оставил в упаковке.

— Нарушение режима, — заметил оператор.

— Правая рука должна оставаться вне контакта с системой. Ею я буду вести бумажный протокол.

— В зале запрещена бумага.

— Тогда карта получит доступ к протоколу до завершения аудита.

— Карта не читает бумагу.

— Именно поэтому я её принёс.

Он показал блокнот. Ливия посмотрела на Кера. Тот едва заметно кивнул.

— Один блокнот, — разрешила она. — После выхода страницы сверит служба безопасности.

— Сверит число страниц, но не содержание.

— Господин Эйд, вы не устанавливаете здесь правила.

— Сегодня устанавливает закон. Я лишь назойливо читаю его вслух.

Кер шагнул ближе.

— Именно так ты разговаривал семь лет назад. И именно поэтому тогда никто тебя не слышал.

Самир медленно снял дорожную сумку с плеча и положил у стены.

— Семь лет назад вы сказали, что этический шлюз задержит запуск на три месяца.

— Он задерживал воссоединение семей.

— Он требовал спрашивать разрешение на использование чувств.

— Тогда карта едва удерживала две линии. Мы выбирали между несовершенной системой и закрытыми переходами.

— А потом перестали выбирать.

Кер перевёл взгляд на меня.

— Госпожа Варн должна понимать контекст. После Расхождения в Эмбере оказалось одиннадцать тысяч человек, чьи близкие проснулись в Отражениях. Переходы распадались. Мы не знали, какая эмоция удерживает маршрут, пока господин Эйд не предложил искать устойчивые связи.

— И я предложил запретить индивидуальные выводы, — сказал Самир. — Карте достаточно было знать, что связь существует. Не кто кого боится потерять. Не кто с кем расстанется. Не чью тревогу дороже продать.

— Без накопления данных точность не выросла бы.

— Накопление и торговля — разные действия.

— В отчёте твоей кафедры это различие занимало двенадцать страниц. За те двенадцать страниц на Четвёртой линии погибли трое.

Самир замолчал.

Я впервые увидела, как его спокойствие не выдержало. Не разрушилось — стало тесным. Он сжал край блокнота правой рукой, и бумага хрустнула.

Кер знал, куда ударить. Значит, делал это раньше.

— Что произошло на Четвёртой линии? — спросила я.

— Не относится к аудиту, — отрезала Ливия.

— Относится, если после этого изменили правила карты.

Самир посмотрел на меня.

— Этический шлюз требовал повторного согласия перед усилением маршрута. Семья из трёх человек вошла в коридор во время задержки подтверждения. Линия погасла.

— Из-за шлюза?

— Из-за пяти причин, — сказал он. — Скачка нагрузки, ошибки оператора, несовпавших часов двух Отражений, отказа резервного контура и задержки согласия. Кер оставляет одну.

— Потому что без одной нельзя принимать решения, — ответил директор.

— Можно. Просто решение будет выглядеть не героическим, а ответственным.

Я провела ногтем по шву перчатки.

— И вы ушли?

— Меня отстранили от Центральной карты. Я вернулся в университет и создал коллегия.

— Он создал орган, который объясняет работающим людям, почему они недостаточно безупречны, — сказал Кер.

— А вы создали рынок, который объясняет людям, почему их будущее уже куплено.

Ливия потребовала начать процедуру.

Центр зала обозначал узкий серебряный круг. Меня поставили внутрь, Самира — у пульта в трёх шагах. Кер и юристы остались за внешней чертой. Купол был пуст и прозрачен; над нами висело выцветшее дневное небо.

— Первый этап — слепое сопоставление, — сказал Самир. — Я буду называть запросы, оператор выводит только структуру ответа. Имена, голоса и содержания скрыты. Если личность можно восстановить из структуры, фиксируем утечку.

— Я не соглашалась смотреть чужие чувства, — сказала я.

— Вы их не увидите.

— Это вы решаете, что считается «увидеть»?

Он положил карандаш на блокнот.

— Нет. Вы.

В зале все ждали продолжения.

— Опишите границу, — попросил Самир.

Я не сразу поняла, что он действительно остановил процедуру. Оператор раздражённо держал ладонь над пультом. Ливия что-то набирала на браслете. Кер смотрел на часы. Но Самир ждал только моего ответа.

— Никаких фраз, — сказала я. — Никаких узнаваемых голосов. Никаких точных возрастов и мест. Если структура похожа на историю конкретного человека, выключаем.

— Кто определяет сходство?

— Я.

— Почему вы? — спросила Ливия.

— Потому что это моё условие участия.

— Аудит нельзя строить на субъективном дискомфорте.

— Можно, — сказал Самир. — Согласие субъективно. Иначе это не согласие, а допуск, придуманный тем, кто хочет войти.

Он записал мои условия, развернул блокнот и дождался кивка.

— Ещё одно, — добавила я. — Если моё послезвучие включится, никто не пытается использовать его для продолжения теста.

— Принято.

— Вы говорите так быстро, будто заранее со всем согласны.

— Нет. Я говорю быстро, потому что ваше «нет» не требует моего одобрения.

Эта фраза должна была успокоить. Вместо этого она разозлила меня.

— Очень удобно быть безупречным пять минут подряд.

Самир нахмурился.

— Я не пытался...

— Знаю, что вы пытались. Создать правильную процедуру, в которой я стану образцово защищённой владелицей голоса. Только я стою внутри машины, которую построили по вашему критерию, и не могу перестать звучать.

Он принял удар, но не отвёл взгляд.

— Тогда последнее условие формулирую я. Вы не обязаны облегчать мне чувство вины. Кер тихо усмехнулся за чертой.

— Наконец-то в протоколе появилась честность.

Самир поднял карандаш.

— Начинаем.

Оператор коснулся пульта. Стекло под моими ногами просветлело, и глубоко в нём зажглись тысячи точек. Я видела карты прежде — плоские легенды в репетиционных залах, дорожные проекции на терминалах, тонкие линии переходов. Центральная карта была не изображением, а глубиной. Эмбер висел в ней созвездием золотых улиц. Рядом, выше и ниже, проступали его варианты: город с красными крышами, город без реки, город, где северный район занимал лес. Между ними тянулись голосовые нити.

Моя нить была серебряной и слишком толстой.

Она входила в карту со всех сторон, будто я стояла не над ней, а внутри собственного горла.

— Только структура, — напомнил Самир.

Оператор открыл первый запрос: `УСТОЙЧИВАЯ СВЯЗЬ / БЕЗ ИДЕНТИФИКАТОРОВ / ДИАПАЗОН 30 ДНЕЙ`.

Над городом соединились две безымянные точки. Между ними вспыхнули пять признаков: синхронность маршрутов, повторяемость контакта, общий страх, взаимное ожидание, акустическая совместимость.

— Можно ли восстановить личность? — спросил Самир.

— Нет.

— Эмоциональное содержание?

— Общий страх уже содержание.

Он сделал пометку.

— Убираем признаки. Оставляем величины.

Оператор подчинился. Вместо слов появились столбики.

— Теперь?

— Похоже на медицинский анализ.

— Это допустимо?

— Пока да.

Самир запросил базовую версию алгоритма — ту, которую создал семь лет назад. На карте осталось три показателя: частота совпадений, устойчивость во времени, влияние на маршрут. Затем оператор открыл действующую коммерческую надстройку.

Столбиков стало двадцать восемь.

Даже без подписей я узнала один: короткий всплеск, за которым следовало долгое ровное плато. Так звучал страх за Нору. Резкий вдох, решение держаться, усталость после.

— Выключите, — сказала я.

Оператор не пошевелился.

— Выключите карту.

— Мы не показываем персональные данные, — сказала Ливия.

— Я узнала свои.

— Это предположение.

Самир снял левую руку с пульта.

— Процедура остановлена владельцем голоса.

Свет погас. Серебряная нить исчезла, но у меня под ключицами уже нарастало знакомое давление.

— Время остановки — десять часов сорок одна минута, — продиктовал Самир. — Причина: повторная идентификация по структуре обезличенных данных. Фиксируем несостоятельность обезличивания.

— На основании узнавания одного участника? — спросила Ливия.

— На основании того, что владелец узнал ряд без имени, голоса и подписи. Если она смогла, сможет любой человек, знающий контекст.

— Это не доказательство, что ряд принадлежит ей.

— Тогда проверим контрольную сумму вне её присутствия.

Кер обратился ко мне:

— Лея, если каждый пользователь потребует выключать Центральную карту при неприятном воспоминании, линии рухнут.

— Я попросила выключить проекцию. Переходы работают.

— Сейчас. Но аудит не остановится на проекции.

— Потому вы и прятали его одиннадцать лет?

Давление стало болью. Я сомкнула губы, стараясь не выпускать звук. Молчание больше не было отсутствием действия. Оно требовало мышц, воздуха, воли.

Самир заметил раньше остальных.

— Медицинская пауза.

— Я могу продолжать.

— Ваше условие было...

— Моё условие — не использовать послезвучие. Не решать за меня, когда я закончила.

Он резко кивнул.

— Вы правы. Что вам нужно?

— Вода. И чтобы никто не подходил.

Оператор поставил стакан на край серебряного круга и отступил. Я выпила половину. Металл во рту не исчез.

— Следующий этап без визуализации, — сказала я. — Читайте журнал запросов.

— Это займёт часы, — возразила Ливия.

— У вас одиннадцать лет записей.

— Именно.

Самир перелистнул страницу.

— Начнём с декабрьского файла госпожи Варн. Кто обращался к нему до медицинской регистрации послезвучия?

Оператор вывел журнал на собственную закрытую панель.

— Семь автоматических обращений. Два калибровочных, три маршрутных, одно диагностическое, одно... служебное.

— Назначение служебного?

— Переоценка несущих голосов.

— Дата?

— Девятнадцатое декабря.

— Медицинская регистрация симптома?

— Двадцать второе марта.

— Значит, система классифицировала госпожу Варн как несущую за три месяца до того, как сообщила ей о риске, — сказал Самир.

— Автоматическая классификация не является диагнозом, — ответил Кер.

— Зато стала основанием использовать её голос?

Оператор молчал.

— Покажите правовое основание обращения, — потребовал Самир.

На закрытой панели что-то мигнуло. Оператор побледнел.

— Поле пустое.

— Не может быть, — сказала Ливия.

Она пересекла черту и сама проверила журнал.

— Запись повреждена.

— Контрольная сумма совпадает, — заметил оператор.

— Тогда миграционная ошибка.

Самир записал обе версии.

— Кто запустил переоценку?

— Центральная карта.

— Кто дал карте право самостоятельно расширять назначение архивной записи?

— Никто, — сказал Кер. — Потому что она не расширяет назначение. Она поддерживает безопасность переходов.

— Голос сдавали для учебной калибровки.

— Любой образец может стать критическим при изменении линий.

— Тогда согласие не значит ничего. Вы обещаете одно назначение, а используете для любого, которое потом назовёте критическим.

— И благодаря этому люди возвращаются домой.

— А Лея может вернуться в тишину?

Вопрос прозвучал слишком лично. Кер посмотрел на Самира с неожиданным вниманием, затем на пространство между нами.

Я почувствовала, как карта отвечает раньше, чем увидела свет.

Тонкая линия из больничной палаты снова возникла на стекле. Теперь она была коралловой. Она тянулась от моей точки к Самиру, но не соединяла нас. Посередине мерцал разрыв, ровный, как оставленное место для решения.

— Проекция отключена, — сказал оператор.

— Я вижу, — ответила Ливия.

— Это не штатная карта, — сказал Кер.

Самир не смотрел вниз.

— Лея, вы сейчас поёте?

— Нет.

— Послезвучие?

Я открыла рот, чтобы ответить, и услышала ноту.

Она шла не из горла. Купол подхватил мой вчерашний голос — тот миг после подписи — и вернул его в зал. Чистый звук держался над нами, а коралловая линия наливалась светом.

Оператор потянулся к пульту.

— Не трогайте, — одновременно сказали мы с Самиром.

Он посмотрел на меня.

— Почему вы остановили его? — спросила я.

— Вы запретили использовать послезвучие.

— А вы?

— Я запретил бы потому, что любое действие добавит данные и испортит наблюдение.

— Очень романтично.

На этот раз он всё-таки улыбнулся — коротко и сердито, словно улыбка тоже нарушала протокол.

Коралловая линия дрогнула.

Рядом с ней вспыхнула надпись:

‘СВЯЗЬ НЕ КЛАССИФИЦИРОВАНА.’

Потом другая:

‘ОЖИДАЕМАЯ ЦЕННОСТЬ: ОТКАЗ ОТ ПРОГНОЗА.’

В зале никто не говорил.

Центральная карта впервые на моей памяти предложила не ответ, а право его не получать.

Самир медленно записал обе строки.

— Это есть в вашем алгоритме? — спросила я.

— Было в первой версии. Если наблюдение меняет поведение сильнее, чем помогает решению, система должна отказаться от вывода.

— Почему я никогда не видела такой легенды?

Он повернулся к Керу.

— Потому что порог отказа удалили.

Директор не стал отрицать.

— Отказ карты закрывал слишком много маршрутов.

— Прогноз отношений не открывает маршруты.

— Он оплачивает вычисления, которые их открывают.

Вот она, простая связка, ради которой запутали тысячи голосов: чужое любопытство покупало электричество для переходов, а обсерватория называла это неизбежностью.

— Сколько? — спросила я.

— Что сколько?

— Сколько стоит один день Центральной карты. Не в чувствах. В марках.

Ливия вмешалась:

— Финансовая модель не относится к голосовому согласию.

— Относится, если нарушение согласия оплачивает работу системы, — сказал Самир. —

Запрашиваю отдельный отчёт: переходы, коммерческие прогнозы, лицензирование архивов.

— Отчёт будет подготовлен в течение тридцати дней.

— У нас двадцать один, — сказала я.

— Это срок, придуманный рекламной страницей.

— Именно поэтому он ваш.

Ливия закрыла панель.

— На сегодня достаточно. Состояние госпожи Варн нестабильно.

— Моё состояние не принадлежит вашему расписанию.

Самир поднял ладонь, не ко мне — к юристу.

— Мы завершим один запрос. Где хранится журнал удалённых порогов алгоритма?

Оператор посмотрел на Кера.

— В архиве согласий.

— Доступ?

— Только совместный ключ директора и владельца исходной модели.

Все повернулись к Самиру.

Он медленно вынул из-под воротника тонкую цепочку. На ней висел чёрный кристалл — не украшение, а старый личный ключ обсерватории.

— Ты должен был сдать его при отстранении, — сказал Кер.

— Я сдал доступ. Ключ хранит право подписи, а не допуск.

— Семь лет носил на шее доказательство собственной обиды?

— Семь лет носил ответственность за то, что создал.

Кер подошёл к границе круга. Между ними оставалось стекло и история трёх погибших людей.

— Архив согласий содержит действующие маршруты, — сказал он. — Если ты откроешь старую версию не в том порядке, карта начнёт пересчёт.

— Поэтому ключей два.

— А если я откажусь?

— Зафиксируем отказ и получим судебное раскрытие.

— За двадцать один день не успеете.

— Значит, вы рассчитываете не на правоту. На медлительность.

Кер посмотрел на коралловую линию. Она уже бледнела, не выбрав соединения.

— Завтра в девять, — сказал он. — Архив согласий. Один час. Без копирования действующих маршрутов.

— С возможностью фиксировать историю изменений.

— На бумаге.

— Согласен.

Ливия начала возражать, но директор остановил её.

Купол погас. На стекле остался только Эмбер — один город без вариантов, привычный и потому подозрительный.

У выхода служба безопасности пересчитала страницы блокнота. Самир не позволил читать их и стоял неподвижно, пока охранник просвечивал бумагу по краям.

Я ждала у стены. Металлический вкус усиливался. Теперь послезвучие не пело, а словно прислушивалось.

Когда мы остались в коридоре вдвоём, Самир протянул мне лист, вырванный из блокнота.

— Это копия ваших условий. Оригинал остаётся в протоколе.

— Вы только что позволили охране пересчитать эту страницу.

— Я добавил чистую после неё.

— Вы умеете нарушать правила.

— Только те, которые подменяют цель процедуры.

— Опасная формулировка. Кер сказал бы то же самое.

Он убрал блокнот в сумку.

— Да.

Я ожидала защиты и снова её не получила.

— Почему вы не сказали о Четвёртой линии в палате?

— Потому что аудит не должен становиться судом надо мной.

— А если мне важно знать, с кем я работаю?

— Тогда спрашивайте, и я отвечу. Но не буду превращать в плату за ваше участие исповедь, которую вы не просили.

— Сейчас спрашиваю. Вы считаете себя виновным?

Самир долго смотрел через окно коридора. Внизу люди шли к терминалам, сверяясь с дорожными легендами. Каждая тонкая линия казалась отсюда царапиной на городе.

— Я считаю, что построил инструмент и недооценил, как легко запрет можно назвать задержкой, а защиту — помехой, — сказал он. — Троиш убил не мой шлюз. Но после их смерти я позволил Керу убедить всех, что выбирать приходится между этикой и работающей картой. Я ушёл и оставил ему это ложное противопоставление.

— Вы создали коллегия.

— Снаружи. Там удобно быть правым.

— А сейчас вернулись внутрь.

— Потому что система украла голос несовершеннолетней.

— Только поэтому?

Его взгляд опустился к моему горлу, затем сразу вернулся к лицу.

— Этого достаточно.

Карта под полом едва слышно отозвалась. Не нотой — щелчком, как метроном перед вступлением.

Я сложила лист с условиями вчетверо.

— Завтра я иду в архив.

— Нет.

— Так быстро забыли, чьё «нет» не требует одобрения?

— Архив согласий не входит в безопасный радиус вашего медицинского маяка.

— Насколько?

— На сорок два метра.

— Значит, добьёмся нового допуска.

— Врач не подпишет.

— Тогда приведём архив сюда.

— Он физический. Пороговые версии записаны на кристаллах, отключённых от сети.

— Тогда приведём врача.

Самир вздохнул.

— Вы всегда решаете ограничения перечислением людей, которых можно передвинуть?

— Нет. Иногда передвигаю стены.

Он снова почти улыбнулся.

— Я запрошу выездное медицинское сопровождение.

— Запросите у Норы.

— Она врач?

— Инженер сенсорных протезов. И единственный человек, который замечает мой голос ладонями раньше приборов.

— Тогда сначала спросим, хочет ли она участвовать. Её голос уже использовали без согласия.

Правильные слова больше не раздражали. Возможно, потому что на этот раз он произнёс их не для меня.

Я отправила Норе сообщение: `Нужна твоя помощь. Но сначала я расскажу всё, и ты сама решишь.`

Ответ пришёл почти мгновенно:

`Я уже у Южного входа. И очень злая.`

Самир прочитал только моё выражение лица.

— Она согласна?

— Она ещё не слышала вопрос.

Мы пошли к лифту. За стеной Центральная карта продолжала считать чужую близость, лишённая способности отказаться от ответа.

Завтра мы должны были вернуть ей первое «нет».

Глава 5. Сестра слышит ладонями

Нора ждала у Южного входа, положив обе ладони на каменную стену обсерватории. Так она слушала здания.

После аварии в детстве её левое ухо различало только низкие частоты, правое — резкие обломки звука. Обычный разговор доходил до неё неровно, зато вибрацию Нора чувствовала раньше большинства датчиков. Она проектировала сенсорные протезы, которые переводили звук в давление на кожу, и ненавидела, когда эту способность называли чудом.

— Это инженерия, — поправляла она. — Чудо не требует замены батареи.

Сейчас пальцы её правой руки были широко расставлены. Под левой мерцала тонкая пластина собственного производства. Завидев меня, Нора не обняла. Сначала провела ладонью в воздухе перед моим горлом, не касаясь кожи.

— Ты звучишь, — сказала она.

— Я молчу.

— Я заметила.

Самир остановился в двух шагах от нас.

— Самир Эйд, — представила я. — Аудитор.

— Тот самый, чей алгоритм решил, что мой страх можно продавать?

— Мой алгоритм не должен был...

— Плохое начало.

Он замолчал.

Нора посмотрела на меня.

— Где можно говорить без записи?

— Нигде, — ответила я. — Но Самир умеет находить микрофоны.

— Два из трёх, — напомнил он.

— Уже честнее.

Мы вышли во внутренний сад. Здесь росли глухие травы — растения из Отражения без насекомых, которые поглощали звук широкими бархатными листьями. Обсерватория устроила сад для конфиденциальных переговоров, а потом поставила у входа табличку: «Тишина улучшает качество решений». Нора всегда считала это угрозой.

Она выбрала скамью, приложила к ней ладонь и только потом села.

— Рассказывай всё, — сказала она.

Я рассказала. Не сокращала комнату оформления, три её слова, коэффициент страха, коммерческий прогноз и завтрашний архив. Когда дошла до семнадцатилетней Норы, сестра сняла сенсорную пластину и положила на колено.

— Кто был представителем? — спросила она.

— Мама.

— Она подписывала?

— По журналу — нет.

— А ты?

— Я подписала свои учебные партии. Про фоновые голоса там ничего не было.

— Ты знала, что регистратор включён в комнате?

— Нет.

— Значит, не начинай извиняться.

Я уже набрала воздух для извинения.

— Я привела тебя туда.

— В клинику. Чтобы мне сделали протез. Не чтобы сохранить мой страх.

— Оплатила протез обсерватория.

— За твоё выступление на зимнем сборе. Это была работа, Лея, а не продажа семьи вместе с костюмом.

Самир сидел напротив, не открывая блокнота.

Нора заметила.

— Почему не записываете?

— Вы ещё не дали согласия участвовать в аудите.

— А если дам, запишете всё?

— Только то, что вы разрешите включить в протокол.

— Тогда запишите: я не помню, чтобы меня предупреждали о записи. Не согласна на коммерческое использование. Согласна проверить происхождение дорожки. Не согласна, чтобы мой голос воспроизводили без отдельного вопроса каждый раз.

Самир открыл блокнот.

— Дословно?

— Дословно.

Пока он писал, Нора снова подняла пластину к моему горлу.

— Сколько длится?

— Послезвучие? Иногда доля секунды. В Центральном зале карта включила вчерашнюю ноту целиком.

— Боль?

— Под ключицами. Потом металл во рту.

— Сейчас есть?

— Немного.

— Это не ответ по шкале.

— Четыре из десяти.

— Врёшь на два.

— Ты не можешь почувствовать мою боль ладонью.

— Зато вижу, как ты держишь левое плечо.

Нора достала из рюкзака свёрнутую ленту, четыре плоских датчика и маленький серый блок. Самир наклонился, но не приблизился.

— Сенсорная манжета? — спросил он.

— Прототип обратного слуха. Обычно переводит вибрацию помещения в тактильный рисунок. Сейчас сделаем наоборот: снимем микродвижения гортани, грудной клетки и воздуха отдельно.

— Медицинский прибор зарегистрирован?

— Нет.

— Тогда данные не примут как клинические.

— Я и не лечу. Я доказываю, что сестра звучит без движения голосовых складок.

Самир кивнул.

— Для аудита подойдёт, если будет контрольный канал.

— Наконец полезная фраза.

Она протянула мне ленту.

— Можно?

Я подняла подбородок. Нора не коснулась меня, пока не дождалась ответа.

— Можно.

Два датчика легли по сторонам гортани, один — под ключицей, четвёртый Нора прикрепила к спинке скамьи. Ещё одну пластину положила на землю.

— Скамья и почва — контроль. Если звук идёт из здания, они почувствуют раньше тела. Если из тебя — наоборот.

— А если из карты под землёй?

— Тогда Самир побежит за схемами фундамента.

— Уже запросил, — сказал он.

Нора впервые посмотрела на него без открытой враждебности.

— Хорошо. Теперь, Лея, обычная речь.

Я произнесла своё имя, дату и место. На сером блоке выросли четыре линии. Нора попросила прошептать, вдохнуть без звука, задержать дыхание, коснуться языком нёба. Потом велела спеть одну ноту.

— Мне запретили петь.

— Тогда не будем.

— Для контроля нужна нота, — сказал Самир.

Нора резко повернулась к нему.

— Для контроля не нужна, если риск не оправдан. Возьмём архив здоровой записи и отметим различие условий.

— Согласен.

— Не соглашайтесь так послушно. Это подозрительно.

— Могу поспорить о частоте дискретизации.

— Можете?

Через минуту они уже спорили. Нора считала, что тысяча измерений в секунду поймает микросдвиг первой атаки; Самир требовал четыре тысячи, чтобы отделить мой воздух от резонанса купола. Я слушала их и впервые за сутки перестала быть единственным предметом разговора.

В середине спора датчик под ключицей мигнул.

Нора замерла.

— Не говори.

Я и не собиралась. Во рту появился металл.

На блоке линия гортани оставалась ровной. Грудная клетка показывала обычное дыхание. Пластина на скамье дрогнула, но датчик воздуха вспыхнул первым.

Мы услышали звук через две секунды.

Тихое «а» висело между листьями, словно кто-то невидимый пробовал голос перед песней.

Нора прижала ладонь к воздуху передо мной.

— Не из неё, — сказала она.

Самир уже смотрел на временные метки.

— Воздушный канал сработал за две целых восемь десятых секунды до слышимого сигнала. Гортань — ноль. Грудная клетка — ноль.

— Скамья?

— Через девять десятых после воздуха.

— Значит, звук возник здесь и потом вошёл в материал.

Нота стала громче.

Я узнала её. Не вчерашнюю. Это был первый звук моей учебной партии одиннадцатилетней давности.

— Отключить можно? — спросила Нора.

— Я не знаю как.

— Тогда не держи его.

— Я не держу.

Боль под ключицами усилилась.

— Держишь телом. Ты всегда так делаешь, когда боишься сорвать концерт. Расслабь челюсть.

— Если отпущу, откроется линия.

— Откуда знаешь?

— В прошлый раз открылась.

Нора взяла меня за запястье. Не утешала — отсчитывала пульс.

— А в этот раз мы измеряем. Самир, есть активные переходы поблизости?

Он проверил браслет.

— Южная линия в ста девяноста метрах. Коридор закрыт между сеансами.

— Люди внутри?

— Нет.

— Тогда, Лея, отпускаяй.

— Нора...

— Не ради опыта. Ради тебя. Твоё тело не обязано быть заглушкой для их машины.

Я разжала зубы.

Нота вышла не из меня — через меня. Бархатные листья развернулись к центру сада, хотя ветра не было. На дорожке проступила серебряная линия и раздвоилось небо: над одним Эмбером светило бледное солнце, над другим собирался дождь.

Сигнал на сером блоке ударил в верхнюю границу.

— Горлань чистая, — быстро сказала Нора. — Лея, слышишь? Ты не поёшь. Это не твои мышцы.

От облегчения у меня подкосились колени. Самир сделал шаг, но остановился, когда Нора подняла ладонь. Она сама помогла мне сесть на землю.

Линия держалась семь секунд и погасла.

Ни один переход не открылся.

Металлический вкус остался, но боль отступила до трёх.

— Записалось? — спросила я.

Нора показала блок. Пять независимых каналов, единая временная шкала, контрольные пластины. Красная отметка стояла там, где звук появился в воздухе. Синяя — почти через три секунды, когда услышали мы.

— Приборы обсерватории фиксируют только слышимую фазу, — сказал Самир. — Поэтому считают, что источник — ваш голосовой аппарат. Они пропускают предвестник.

— Моя пластина не пропускает, — сказала Нора.

— Можно включить запись в аудит?

Она посмотрела на меня.

— Это данные твоего тела.

— И твоего устройства.

— Совместное право запрета, — предложил Самир. — Использование только для установления источника послезвучия. Без передачи коммерческим или маршрутным системам. Любое расширение — по двум новым соглашениям.

— И автоматическое удаление копий после аудита, — сказала Нора.

— С контрольным хешем удаления.

— И без помещения в Центральную карту.

— Да.

Я кивнула.

— Согласна.

Нора включила сохранение. Блок потребовал назвать файл. Она напечатала: `ЗВУКБЕЗ-ПЕВИЦЫ\_01`.

— Очень научно, — заметила я.

— Зато никто не перепутает.

На дорожке сада появился Кер. Он шёл один, без юристов, и смотрел на погасшую серебряную линию.

— Центральная карта зарегистрировала попытку открытия вне расписания.
— Открытия не было, — сказал Самир.
— Благодаря ограничителю.
— Какому? — спросила Нора.
Кер увидел датчики на моём горле.
— Вы проводите несанкционированное медицинское исследование на территории обсерватории.
— Нет, — ответила сестра. — Несанкционированное инженерное. Хотите вызвать полицию различий?
— Нора, — сказала я.
— Что? Он одиннадцать лет использовал моё «я справлюсь сама». Пусть теперь справится с точными словами.
Кер не отвёл взгляда.
— Я не знал о вашей записи.
— Удобно.
— И всё же правда.
— Тогда кто знал?
— Архивная система сама выделяет фоновые голоса.
— Система не получает выгоду и не прячет журнал, — сказал Самир. — Это делают люди.
Кер посмотрел на серый блок.
— Что вы зафиксировали?
— Сначала условия доступа, — ответила Нора.
— От этого может зависеть безопасность линий.
— Тогда тем более условия.
Она повторила ограничения. Кер дослушал и сказал:
— Согласен.
— У вас нет права соглашаться за обсерваторию без юриста, — заметила я.
— Есть право принять аварийные данные для предотвращения вреда.
— Вот так учебная запись Леи и стала несущей? — спросила Нора. — Сначала аварийные данные, потом одиннадцать лет чрезвычайного положения?
Кер побледнел.
— Нет. Поэтому я не возьму ваш файл. Самир зафиксирует показания, а завтра вы принесёте носитель в архив. Там создадим изолированную копию с двумя правами запрета.
Это был первый раз, когда он сам ограничил собственный доступ.
— Почему? — спросила я.
— Потому что твой аудитор прав в одном: система слишком долго называла срочностью всё, чего хотела.
Самир ничего не ответил.
Кер указал на датчик воздуха.
— Но предвестник мне нужен. Если карта создаёт звук до реакции вашего тела, несущая находится не в вас.
— А где?
— В архивной записи. Или в том, что научилось ею пользоваться.
По дорожке прошла мелкая вибрация. Нора почувствовала её первой и опустила ладонь на камень.
— Под нами что-то движется.
— Пересчёт Южной линии, — сказал Кер.
— Нет. Ритм повторяется каждые одиннадцать секунд.

Самир открыл схему фундамента, которую успел получить. Под садом не было вычислительного контура. Только старый кабельный канал, законсервированный после Расхождения.

— Куда он ведёт? — спросила я.

Кер увеличил план.

— В архив согласий.

Нора приложила вторую ладонь к дорожке. Её лицо стало сосредоточенным, почти неподвижным.

— Это не механизм, — сказала она. — Пакеты вибрации разной длины. Как речь.

— Можешь разобрать?

— Не без решётки.

Она сняла пластину с моего горла, положила на камень и подключила остальные датчики цепочкой вдоль края дорожки. Серый блок принял новый рисунок. Короткий импульс, два длинных, пауза. Потом снова.

Самир считал интервалы вслух. Кер называл частоты старой магистрали. Я слушала то, чего уши ещё не слышали.

Нора построила преобразование и вывела вибрацию в звук.

Из блока донёсся мой голос:

— Я справлюсь сама.

Не голос семнадцатилетней Норы. Мой — сегодняшний, низкий от усталости.

Фраза повторилась.

— Я этого не говорила, — прошептала я.

— Сегодня — нет, — ответил Самир.

Кер смотрел на старый канал.

— Карта собирает фразу из ваших тембральных образцов.

— Зачем?

Нора выключила воспроизведение.

— Потому что для неё наши голоса — взаимозаменяемые детали. Моя фраза, голос Леи, чей-то страх. Она не видит людей.

— Карта ничего не видит, — сказал Кер. — Она оптимизирует устойчивость.

— Тогда что именно становится устойчивее, когда моя сестра говорит моими словами?

Никто не ответил.

Самир отметил время и схему импульсов. Потом попросил у Норы разрешения зарисовать расположение датчиков. Она позволила, но потребовала подписать рядом: «Автор конфигурации — Нора Варн».

— Вы собираетесь спорить об авторстве? — спросил он.

— Я собираюсь не исчезнуть из собственной работы, как исчезла из собственной записи.

— Справедливо.

— И перестаньте оценивать мои требования.

— Принято.

— Это тоже оценка.

Я засмеялась и сразу закашлялась. Нора подала воду. Самир отвернулся, давая мне пространство, но остался достаточно близко, чтобы поймать стакан, если рука дрогнет.

Кер ушёл готовить архив. Перед уходом предупредил:

— До завтра никаких опытов с послезвучием.

— Мы его не вызывали, — сказала Нора.

— Тогда никаких мест, где оно может вызвать вас.

Когда он скрылся, сестра собрала датчики и записала контрольные суммы на бумажном листе Самира. Один экземпляр отдала мне, второй спрятала под стельку ботинка.

— Зачем туда? — спросила я.

— Люди охотно обыскивают карманы и редко хотят трогать чужие ноги.

Самир кашлянул, скрывая улыбку.

— Теперь вопрос, — сказала Нора. — Если мой голос был коэффициентом твоего страха, где сама запись?

— В архиве согласий, — ответил он.

— Нет. Там права и история использования. Голосовой образец должен храниться отдельно.

Самир открыл схему данных.

— Фоновые дорожки после выделения отправляются в Хранилище исходных рядов.

— Доступ?

— По идентификатору записи.

— Которого у нас нет.

Я вспомнила легенду восьмой линии. Возле профиля Норы стоял не номер, а короткая последовательность из семи звёзд. Тогда я приняла её за декоративный разделитель.

Я нарисовала последовательность на полях: большая точка, три малые, разрыв, две сцепленные и ещё одна в стороне.

Самир повернул лист.

— Это не украшение. Старый формат адреса согласия.

— Завтра найдём оригинал? — спросила Нора.

— Если его не перенесли.

— А если перенесли?

— История изменений покажет куда.

Она застегнула рюкзак.

— Тогда я участвую в завтрашнем аудите. Только не как пациентка, свидетельница или младшая сестра владельца голоса. Как автор измерительной системы и совладелица данных.

— Я внесу формулировку дословно, — сказал Самир.

— И Лея не будет петь.

— Согласен.

Я подняла руку.

— А у Леи кто-нибудь спросит?

Нора посмотрела на меня так, как смотрела в детстве перед особенно опасной затеей.

— Будешь?

— Нет.

— Вот и спросили.

Мы вышли из сада втроём. Нора шла между нами и время от времени касалась стены. У самого выхода она остановилась.

— Опять, — сказала она.

Я ничего не слышала. Самир проверил карту — активных линий рядом не было.

Нора взяла мою ладонь и прижала к камню.

Сначала я почувствовала только холод. Потом слабый ритм: семь импульсов, пауза, семь импульсов.

Адрес её записи.

Архив не просто хранил голос Норы. Он звал нас к нему.

Глава 6. Архив согласий

Архив открывался тремя ключами, хотя Кер обещал два.

Первый ключ был у директора: узкая пластина дымчатого стекла, в которой плавала золотая нить. Второй принёс Самир — независимую печать аудита, ещё пахнущую нагретым металлом. Третий находился в самой двери. Над круглой скважиной светила надпись:

ГОЛОС ВЛАДЕЛЬЦА ДАННЫХ.

— Нет, — сказала Нора.

Мы стояли в нижнем коридоре обсерватории, где стены были сложены из старого серого камня, а новые кабели шли поверх него, как корни дерева, решившего расти внутрь. До рассвета оставалось полчаса. Кер назначил открытие на шесть, чтобы архив не пересекался с дневными маршрутными расчётами. Или чтобы никто лишний не увидел нас. Я пока не решила.

— Это стандартная проверка личности, — сказал он.

— Чьей?

— Того, чьё согласие запрашивается.

— Тогда дверь должна просить мой голос, — сказала Нора. — Мы идём за моей записью. Кер посмотрел на светящуюся скважину.

— Вашего образца нет в реестре сотрудников.

— Зато он есть в архиве без моего разрешения. Какая удобная асимметрия.

Я достала блокнот, в котором ночью составила условия. Нора заставила меня написать их рукой, потому что рукописную страницу нельзя было незаметно обновить задним числом. Самир поставил внизу время и печать, но не подпись за нас.

— Мой голос сегодня не используется как ключ, — сказала я. — Ни живой, ни архивный. Открывайте служебным способом.

— Служебный способ требует аварийного основания.

— У вас карта говорит моим голосом фразы другого человека. Найдите формулировку точнее.

Кер не спорил. Он приложил свою пластину к стене и вызвал дежурного архивиста.

Ждать пришлось семь минут. За это время дверь дважды повторила требование, сначала вежливо, потом громче. После второго раза Нора прикрепила к камню датчик. На экране её серого блока проступил знакомый ритм: большая точка, три малые, разрыв, две сцепленные, одна в стороне.

— Адрес идёт не от двери, — сказала она. — Ниже.

Самир присел у стены, не касаясь датчика.

— Сдвиг есть?

— Одиннадцать секунд между пакетами. Как в саду.

— Он повторяется со вчерашнего вечера?

— Или только когда Лея рядом.

Мы оба посмотрели на меня.

Под ключицей было спокойно. Металлического вкуса не было. Я молчала не потому, что боялась собственного голоса, а потому, что устала отдавать его каждому устройству, которое заявляло на него право.

Дежурная архивистка пришла в накинутом поверх домашней рубашки синем халате. Её звали Ада Мейр; я видела её на общих собраниях, но никогда не слышала выступлений. Она была маленькой, седой и сердитой так буднично, словно это входило в должностную инструкцию.

— Аварийное основание? — спросила она у Кера.

— Возможная подмена субъектов согласия и несанкционированное использование голосовых образцов в несущем контуре.

Ада перестала застёгивать халат.

— Возможная?

— Подтверждена одна фоновая дорожка, — сказал Самир. — Её первичный субъект присутствует.

Он указал на Нору, а не на меня. За это я была ему благодарна.

Ада прочитала наши условия, попросила Нору самой назвать разрешённую цель и записала ответ не голосом, а механическим карандашом в бумажную книгу.

— Открываю обходным ключом на сорок минут, — сказала она. — Никакого копирования содержимого. Только журнал обращений и карточки оснований. Если понадобится исходник, отдельное решение после локализации.

— Решение кого? — спросила Нора.

— Ваше прежде всего.

Третий ключ оказался длинной стальной рукоятью. Ада вставила её в щель под голосовой скважиной и повернула обеими руками. За дверью с тяжёлым вздохом пришли в движение зубчатые колёса.

— Раньше люди понимали, — сказала архивистка, — что согласие должно пережить отключение электричества.

Дверь отворилась.

Я ожидала рядов кристаллов, светящихся карточек, может быть, холодного зала, где миллионы чужих решений лежат под стеклом. Внутри было тесно и почти темно. От круглой комнаты расходились семь узких галерей. Вдоль стен стояли деревянные шкафы, каждый ящик был снабжён металлической пластиной. В центре возвышался счётный стол: латунные диски, механические валы и один новый экран, посаженный на старую конструкцию так грубо, словно блестящий протез.

— Здесь нет записей голосов, — сказала Ада. — Только цепочки прав. Так было задумано.

— А потом? — спросил Самир.

Она бросила взгляд на новый экран.

— Потом людям понадобилось быстрее.

Нора положила на стол лист с семизвёздным адресом.

Ада не стала вводить его на экране. Она выбрала четвёртую галерею, нашла шкаф с семью точками на пластине и выдвинула верхний ящик. Внутри лежали перфокарты из тонкой меди. Архивистка отсчитала три, пропустила пустой паз, взяла две сцепленные карты и последнюю из соседнего ряда.

— Адрес составной, — объяснила она. — Основное разрешение, приложения и указатель внешнего ряда.

— Чьё основное? — спросила я.

Ада вставила карты в счётный стол. Латунные диски повернулись. На экране появилось моё имя.

ЛЕЯ ВАРН. УЧЕБНАЯ СЕССИЯ. ТРИ ВОКАЛЬНЫЕ ПАРТИИ.

Ниже стояла дата одиннадцатилетней давности и моя подпись. Я помнила тот день: мне было двадцать три, я боялась, что не пройду аттестацию, и подписывала всё, что клали передо мной, не снимая концертных перчаток.

— Покажите исходный текст, — сказал Самир.

Ада прокрутила карточку ручным рычагом. На экране проступили строки:

Цель: обучение певицы-картографа работе с маршрутной партитурой.

Состав данных: три исполненные вокальные партии; дыхательные метки во время исполнения; ошибки входа.

Срок: до завершения аттестации плюс тридцать дней для разбора.

Передача третьим лицам: запрещена.

Коммерческое использование: не разрешено.

— Я этого не помню, — сказала я.

— Но подписали именно это, — ответила Ада.

— Я не отрицаю подпись. Я не помню, чтобы меня предупреждали о записи комнаты до и после партий.

Самир указал на строку о составе данных.

— Фоновая дорожка сюда не входит. Даже если регистратор снял её технически, хранение после выделения не разрешено.

— Срок истёк одиннадцать лет назад, — сказала Нора. — Почему карточка активна?

На краю экрана мерцал маленький белый знак — звезда с незамкнутым лучом. Ада коснулась его костяшкой пальца.

— Потому что было продление.

— Кем?

Архивистка повернула второй вал. Под исходной карточкой развернулась цепь изменений.

Сначала их было три. Затем семь. Потом экран дрогнул, и строк стало сорок две.

Я читала даты. Через двадцать девять дней после аттестации срок продлили на год — «для проверки устойчивости учебного результата». Потом ещё на пять лет — «для сравнительного анализа маршрутных партий». Затем назначение изменилось на «повышение безопасности переходов». Ещё позднее появилась «модель эмоциональной устойчивости несущих». В прошлом году — «публичные прогностические продукты».

Моя подпись стояла только под первой карточкой.

— Покажите основания каждого изменения, — сказал Самир.

У некоторых строк были номера заседаний. У других — коды аварийного режима. У третьих вместо основания стояло:

НАСЛЕДОВАНО ОТ ПРЕДЫДУЩЕЙ ЦЕЛИ.

— Цель не наследует согласие, — сказал Самир.

— Программа считает иначе, — ответил Кер.

— Программа не субъект права и не сторона договора.

— Я описываю механизм, не защищаю его.

Самир посмотрел на него.

— Вы утверждали эти регламенты.

— Не исходный. Последние два — да.

— Значит, вы защищали его достаточно долго.

Кер принял удар без привычной холодности.

— Да.

Нора приблизила экран.

— Где я?

Ада выбрала приложение к основной карточке. Появилась короткая строка:

**ФОНОВЫЕ СИГНАЛЫ: СОПУТСТВУЮЩИЕ, НЕИДЕНТИФИЦИРОВАННЫЕ.
ПРАВА СЛЕДУЮТ ОСНОВНОЙ ЗАПИСИ.**

— Нет, — сказала Нора. — Я не следую за сестрой приложением.

Её голос прозвучал ровно. Только ладонь на столе была напряжена так сильно, что побелели суставы.

— Вас не идентифицировали при записи, — сказал Кер.

— Но идентифицировали потом. И продолжили пользоваться.

— Когда дорожку связали с вами? — спросил Самир у Ады.

Архивистка раскрыла историю приложения. Двадцать семь месяцев назад фоновому сигналу присвоили имя Норы, возраст на момент записи и связь со мной. Тогда же слова «я справлюсь сама» получили эмоциональную разметку: страх, решимость, сестринская зависимость.

— Мне было семнадцать, — сказала Нора. — Где согласие представителя?

НЕ ТРЕБУЕТСЯ: ДАННЫЕ СОПУТСТВУЮЩИЕ.

— Где моё согласие после идентификации?

НЕ ТРЕБУЕТСЯ: ПРАВА НАСЛЕДОВАНЫ.

— Где разрешение продавать выводы обо мне?

Экран не ответил. В цепочке изменений просто стояла та же отметка о наследовании.

Нора убрала руку со стола.

— Запишите в протокол: ни одна подпись не разрешала хранение моего голоса, его разметку, использование как коэффициента или продажу выводов. Подпись Леи не могла заменить мою. Её подпись не разрешала даже то, что сделали с ней самой.

Самир записал. Потом развернул блокнот к Норе, чтобы она прочитала формулировку.

— Слово «продажу» оставьте, — сказала она. — Не заменяйте «коммерческим распространением».

— Оставил.

— Теперь найдите, кто нажал кнопку.

Ада раскрыла последнюю карточку. Назначение «публичные прогностические продукты» утвердил совет обсерватории. Под протоколом стояли девять электронных печатей, включая печать Кера.

Моя злость не вспыхнула. Она легла внутри ровным холодным слоем.

— Вы знали, что исходное согласие было учебным?

Кер долго смотрел на собственную печать.

— В сводке говорилось, что все массивы очищены и имеют наследуемое разрешение.

— Я спросила, знали ли вы.

— Нет.

— А проверили?

— Нет.

Он не добавил оправдания. От этого ответ стал тяжелее.

— Тогда вы не крали запись сами, — сказала Нора. — Вы построили комнату, где никто не обязан смотреть, откуда она взялась.

Кер закрыл глаза на секунду.

— Да.

За стеной прошёл семичастный импульс.

Датчик Норы мигнул. Латунные диски счётного стола сами повернулись на одно деление.

— Я ничего не трогала, — сказала Ада.

На экране возник новый указатель:

ИСХОДНЫЙ РЯД: ХРАНИЛИЩЕ 2. ЯЧЕЙКА 19-12-К.

Самир выпрямился.

— Девятнадцатое декабря. День, когда карта признала Лею несущей.

— Или когда запись назначили несущей, — сказала Нора.

Кер протянул руку к экрану, но остановился.

— Разрешаете открыть только маршрут происхождения? Без воспроизведения содержания.

Нора посмотрела на меня.

Это была моя исходная сессия, но внутри неё находился её голос. Раньше я бы решила за нас обеих, потому что опасность казалась срочной, а я — старшей. Теперь срочность слишком напоминала универсальный ключ Кера.

— Я разрешаю открыть маршрут своих трёх партий и фоновой дорожки, — сказала я. — Не звук.

— Я разрешаю маршрут моей фразы, — сказала Нора. — Не любые другие мои звуки, если они там есть.

Самир добавил:

— Для установления происхождения и текущего использования, без изменения и копирования данных.

Ада внесла разрешение в бумажную книгу. Только после этого открыла указатель.

На экране появилась схема перемещений. Учебная сессия должна была уйти на удаление через тридцать дней. Вместо этого её скопировали в исследовательский ряд. Из него — в модель связей. Фоновую дорожку отделили, но никогда не удаляли из общей копии. Два года назад обе ветви соединили снова. В прошлом декабре объединённый ряд попал в Центральную карту.

А затем схема раздваивалась.

Одна линия вела в дом «Созвездие», где продавали прогноз о моём разрыве с Арвенем. Вторая — в несущий контур переходов.

— Одни и те же данные одновременно продавали и использовали как инфраструктуру, — сказал Самир. — Отказ от коммерческого прогноза мог затронуть маршрутную модель.

— Поэтому система сопротивляется удалению, — сказал Кер.

— Система? — переспросила Нора.

— Мы. Поэтому мы сопротивлялись. Потому что связали безопасность города с массивом, который не имели права хранить.

Впервые за всё время он выбрал правильное местоимение.

Я смотрела на две линии. Все эти годы обсерватория уверяла, что торговля прогнозами оплачивает переходы. На деле она сделала больше: смешала рынок и пути в одном массиве, чтобы одно нельзя было закрыть без угрозы другому.

— Если мы сейчас отзовём согласие, — спросила я, — линии погаснут?

— Ваше исходное согласие уже истекло, — сказал Самир. — Юридически отзываться нечего.

— А технически?

Кер провёл пальцем над схемой.

— Центральная карта расценит изъятие ряда как повреждение несущей. Возможна остановка части переходов.

— Части?

— Пока не знаю какой.

— Сколько людей зависят от них сегодня?

— Три тысячи двести пропусков по расписанию. Больничный маршрут, две семейные линии, грузовые окна.

Цифры были настоящими людьми. Именно этим обсерватория всегда побеждала: ставила перед чужим нарушенным правом очередь к больнице и спрашивала, готов ли ты закрыть дверь.

Нора прочла мой ответ раньше, чем я успела его произнести.

— Не соглашайся на вечность из-за сегодняшнего расписания.

— Я не могу оборвать больничную линию.

— Я тоже. Но можно запретить новые использования и потребовать план отделения старых.

Самир кивнул.

— Немедленная заморозка коммерческого контура. Сохранение маршрутного только в режиме предотвращения прямого вреда, с полным журналом обращений и сроком на разделение систем.

— Сроком каким? — спросил Кер.

Я вспомнила цифру, которую рынок уже превратил в приговор моей близости.

— Двадцать один день.

Кер покачал головой.

— Этого недостаточно для перестройки несущей.

— Тогда докажите, сколько нужно, открытым расчётом. Пока доказательства нет — двадцать один.

— Совет не примет.

— Совет поставил девять печатей под продажей того, чего у него не было. Его удобство больше не критерий.

Самир записал временное предписание. Назвал каждое основание: истёкший срок, смена цели без нового согласия, использование данных несовершеннолетней, продажа выводов, смешение коммерческого и маршрутного контуров. Передал блокнот Керу.

— Независимый аудитор может наложить заморозку при риске продолжающегося вреда. Вам нужно подтвердить получение, не согласие.

Кер прочёл и поставил печать.

В ту же секунду экран погас.

Зубчатые колёса под столом рванулись так резко, что одна медная карта вылетела из паза. Ада поймала её ладонью. По стенам одна за другой зажглись белые звёзды.

— Коммерческий контур отключён? — спросила я.

Самир проверил печать.

— Предписание принято шлюзом.

— Тогда что происходит?

Из глубины четвёртой галереи пришёл звук.

Не моя нота. Не фраза Норы.

Мужчина смеялся — коротко, растерянно, будто услышал хорошие новости и ещё не поверил. Затем женский голос сказал: «Останься». Ребёнок всхлипнул. Кто-то прошептал адрес. Десятки звуков поднимались в шкафах, не сливаясь в хор.

Нора прижала ладони к столу и отдёрнула их.

— Это не воспроизведение, — сказала она. — Здесь нет динамиков.

Металл появился у меня во рту.

— Лея? — Самир повернулся ко мне.

— Началось.

Под ключицей сжалось. Но теперь я знала: боль не означала, что звук рождается во мне. Моё тело было местом, где карта заставляла меня принять вину за собственную работу.

— Гортань не напрягай, — сказала Нора. — Воздух свободно.

Я опустила плечи.

Голоса стали слышимыми.

Белые звёзды соединялись линиями над шкафами. Каждая тянулась к карточке согласия, но многие обрывались, не достигнув ни одной подписи. Галерея наполнилась созвездиями без владельцев.

На погасшем экране проступила одна строка:

НЕДОСТАТОЧНО ОСНОВАНИЙ ДЛЯ СУДЬБЫ.

— Это ваш старый порог? — спросила я.

Самир смотрел на слова так, словно увидел собственный почерк на чужой стене.

— Формулировка моя. Но система никогда не выводила её человеку. Только отклоняла расчёт.

Кер шагнул к аварийному рычагу.

— Если архив вошёл в маршрутный контур, нужно изолировать зал.

— Подождите, — сказала Нора.

Она развернула датчики вдоль стола. На сером блоке возникли десятки временных линий. Все голоса появлялись сначала в воздухе, потом в металле. Но один сигнал шёл в обратном направлении: из счётного стола к стене, из стены — вверх, к Центральному залу.

Семь импульсов. Наш адрес.

Затем другая последовательность.

— Это что? — спросила я.

Ада побледнела.

— Адрес изменения.

Она вручную провела его через латунные диски. Экран показал карточку, которой не было в видимой истории.

ИСТОЧНИК: МОДЕЛЬ ЭЙДА, ВЕРСИЯ 3.

ДЕЙСТВИЕ: СОХРАНЯТЬ ОТКАЗЫ КАК УЧЕБНЫЙ РЕЗУЛЬТАТ.

СТАТУС: УДАЛЕНО ИЗ ИНТЕРФЕЙСА; ИСПОЛНЕНИЕ ПРОДОЛЖЕНО.

Самир прочёл дважды.

— Порог не уничтожили, — сказал он. — Его спрятали.

— И он одиннадцать лет собирал случаи, когда прогнозу нельзя доверять? — спросила Нора.

— Семь лет. С моего отстранения.

— Почему карта вывела их сейчас?

Он посмотрел на временное предписание.

— Мы закрыли продажу. Впервые у неё осталась цель, не требующая превратить вывод в товар.

— Не делайте из машины нравственное существо, — сказал Кер.

— Не делаю. Это архитектура приоритетов. Коммерческий выход имел больший вес, чем отказ. Теперь выход закрыт, и накопленные отказы стали верхним результатом.

В галерее погас один голос, затем второй. Созвездия втягивались обратно в карточки. Над столом осталась единственная белая звезда. Она разделилась на два возможных положения: ближе ко мне и дальше.

Между мной и Самиром протянулась тонкая линия.

Я узнала её — такую же карта показала вчера в Центральном зале. Тогда она оборвалась на словах об отказе от прогноза. Теперь рядом возникли две цифры:

0,64

0,41

Кер первым понял, что они означают.

— Два исхода одной связи.

— Какой настоящий? — спросила я.

Самир не отводил взгляда от линии.

— Оба возможны.

— Почему у вероятности два значения?

Нора посмотрела на мои ладони, потом на его.

— Потому что вы ещё ничего не решили.

Экран подписал первый вариант:

ПРИ ИСПОЛЬЗОВАНИИ ПРОГНОЗА.

Второй:

ПРИ ОТКАЗЕ ОТ ПРОГНОЗА.

Я ожидала, что более высокая цифра окажется наградой за правильный выбор. Но 0,64 стояло возле первого варианта. Карта утверждала, что если мы начнём учитывать её вывод, вероятность устойчивой связи станет выше.

Именно так ловушка и должна была работать: предложить не страх, а надежду.

Самир протянул руку к аварийному рычагу и опустил его. Линия исчезла прежде, чем я успела решить, хочу ли смотреть ещё.

— Вы могли сохранить результат для аудита, — сказал Кер.

— Не было согласия на расчёт нашей связи.

Самир говорил спокойно, но рука на рычаге оставалась напряжённой.

— И что теперь? — спросила я.

Он посмотрел на меня, впервые не как на источник данных, свидетельницу или риск для линий.

— Теперь мы не будем знать, какой выбор карта считает выгодным.

— Мы уже увидели цифры.

— Но не обязаны им служить.

Мне хотелось спросить, обрадовала ли его большая вероятность. Хотелось признаться, что меня — да, на одно короткое, постыдное мгновение. Вместо этого я подошла к счётному столу и закрыла ладонью своё имя.

— В протокол, — сказала я. — Исходное согласие истекло. Нового нет. Продажа заморожена. Маршрутное использование временно сохраняется только для предотвращения прямого вреда и должно быть отделено за двадцать один день.

— И мой голос нельзя считать приложением к её голосу, — добавила Нора.

Самир записал обе формулировки.

Ада вынула медные карты и вернула их в ящик. Перед тем как закрыть шкаф, она прикрепила к составному адресу красную пластину: **ОСПОРЕНО ВЛАДЕЛЬЦАМИ.**

Не «ошибка системы». Не «предмет аудита».

Владельцами.

Когда мы вышли, за окнами нижнего коридора начинался дождь. В одном Отражении он уже шёл, в другом улицы ещё оставались сухими. Два Эмбера лежали рядом, и ни один не был обещанием.

У лестницы мой браслет завибрировал. Дом «Созвездие» снял с продажи прогноз о моём разрыве. Через секунду пришло другое уведомление: все публичные прогнозы отношений временно недоступны.

А затем третье.

ЦЕНТРАЛЬНАЯ КАРТА: ОБНАРУЖЕНО РАСХОЖДЕНИЕ ВЕРОЯТНОСТЕЙ. ТРЕБУЕТСЯ КАЛИБРОВКА.

Ниже светился новый знак — одна звезда в двух положениях.

Карта не увидела будущее.

Она впервые признала, что оно может измениться.

Глава 7. Первая ложная звезда

К полудню Обсерватория уже называла случившееся сбоем калибровки.

Не нарушением согласия. Не продажей чужих решений. Не одиннадцатью годами незаконного хранения моего голоса.

Сбоем.

Слово появилось на всех внутренних экранах, аккуратное и бесцветное. Под ним бежала строка: ПУБЛИЧНЫЕ ПРОГНОЗЫ ВРЕМЕННО НЕДОСТУПНЫ. МАРШРУТНЫЕ РАСЧЁТЫ ВЫПОЛНЯЮТСЯ ШТАТНО. Людям обещали вернуть услугу после проверки расхождения, будто две вероятности одной связи были пятном на линзе.

Я стояла в малом калибровочном зале и смотрела на искусственное небо. Здесь не было окон. Купол над нами умел показывать любой участок Эмбера и ближайших Отражений, но сейчас на нём горела одна белая звезда в двух положениях.

Самир велел не стирать её до завершения аудита.

— Совет требует восстановить продажи к вечеру, — сказал Кер.

— Совет получил моё предписание, — ответил Самир. — Требовать он может письменно.

— Уже требует.

Кер положил на стол девять листов с девятью печатями. Я узнала тот же порядок, в котором печати стояли под разрешением на коммерческое использование моей учебной записи.

— Как быстро они становятся единодушными, когда закрывается касса, — сказала Нора.

Она устроила на калибровочном столе сеть датчиков. Тонкие пластины лежали на металле, стекле, спинках кресел и даже на полу. После вчерашнего Нора не доверяла ни одному источнику звука, пока не могла показать, откуда пришло колебание.

Самир перелистал требование совета.

— Они считают расхождение признаком ошибки модели.

— А вы?

— Признаком того, что модель знает условия расчёта, но интерфейс их скрывает.

Кер указал на две звезды.

— Тогда докажите. У нас через семь часов вечернее окно. Доход от него покрывает три грузовых перехода и ночную больничную линию.

— Вы опять ставите больницу перед кассой, — сказала я.

— Потому что бухгалтерия уже связала их, Лея. Я не могу развязать это фразой о нравственности.

— И мы не можем развязать это ещё одной продажей.

Самир придвинул к себе чистый лист.

— Нужен опыт, в котором расчёт получают две сопоставимые группы. Одна увидит прогноз до решения, другая — после. Если предъявление меняет частоту поступков, карта измеряет не только будущий исход. Она вмешивается в него.

— На людях? — спросила я.

— Только на добровольцах, с правом уйти и без прогноза личных отношений.

— Тогда что измерять?

Нора подняла глаза от датчика.

— Маршрут.

Она вывела на стену схему двух переходов. Сегодня вечером из Центрального зала должны были открыть короткие линии к двум Отражениям гавани. В одном шёл дождь и западный мост оставался свободен. В другом было сухо, но после шести по мосту двигались грузовые

платформы. Оба пути выводили к одному терминалу; разница составляла не больше восьми минут.

— Участники выбирают, через какой вариант идти, — сказала Нора. — Карта рассчитывает выбор по обычным данным пропуска. Никаких голосов, никаких связей, никакой интимной разметки.

Самир не сразу согласился.

— Обычные данные тоже требуют разрешения на эту цель.

— Значит, попросим.

— И заранее скажем, что проверяем влияние прогноза, — добавила я. — Без обмана.

Кер усмехнулся без веселья.

— Если они знают цель, они могут нарочно поступить наоборот.

— Именно, — сказала я. — Возможность поступить наоборот и есть то, чего нет в ваших товарах.

Самир провёл на листе вертикальную линию.

Слева написал: **ВЫБОР ДО ПРЕДЪЯВЛЕНИЯ.**

Справа: **ВЫБОР ПОСЛЕ ПРЕДЪЯВЛЕНИЯ.**

— Не две группы, — сказал он. — Один человек, два безопасных решения в разное время. Сначала участник фиксирует выбор в закрытом конверте. Затем карта выдаёт вероятность. После этого участник может сохранить решение или изменить его. Мы измерим не то, угадала ли карта, а сдвиг после сообщения.

— Человек будет помнить первый выбор, — сказал Кер.

— И должен помнить. Нас интересует действие прогноза, а не чистота гадания.

Мне понравилось, как он произнёс последнее слово. Без почтения.

Через час у нас было тридцать два добровольца из тех, кто и так пользовался вечерними линиями. Ада Мейр пришла из архива с бумажными карточками согласия. Она вычеркнула напечатанную фразу «данные могут применяться для улучшения услуг» и заставила нас перечислить каждое действие отдельно.

Участник разрешал один маршрутный расчёт. Мог запретить хранение результата. Мог не смотреть прогноз. Мог забрать оба конверта до их вскрытия. Отказ ничего не менял в праве пройти по выбранной линии.

Арвен и Мира оказались пятнадцатыми.

— Вы не обязаны это делать из-за прогноза обо мне, — сказала я.

— Мы делаем не из-за тебя, — ответила Мира.

Она держала скрипичный футляр Арвена, пока он подписывал карточку. У самой Миры через плечо висела сумка с нотными листами и аптечным набором: после репетиции она дежурила в приёмном отделении.

— Мне сегодня всё равно ехать на Южный терминал, — продолжила она. — А он всё равно будет выбирать сухую дорогу ради инструмента, даже если та займёт год.

— Восемь минут, — сказал Арвен.

— Для тебя это малая форма вечности.

Они улыбнулись друг другу с той привычной точностью, которую карта приняла за доказательство моей будущей потери.

Самир подошёл к ним с формуляром.

— Не обсуждайте выбор между собой до второго конверта. Если это неудобно, выйдите из опыта.

— А можно после? — спросил Арвен.

— После можно всё, на что вы оба согласны.

Мира внимательно посмотрела на него, потом на меня.

— Оставьте эту формулировку для всего вашего аудита.

Первые участники входили в кабины по одному. На столе лежала простая карта двух линий: дождевой и сухой. Человек отмечал маршрут, запечатывал карточку, затем садился перед тёмным экраном. Самир спрашивал, хочет ли он увидеть расчёт. Если да, карта показывала только одну строку: вероятность выбора дождевой линии. Никаких советов. Никаких слов «верность», «судьба» или «лучший исход».

После этого участник заполнял вторую карточку.

Я сидела за перегородкой и слышала шорох бумаги. Петь мне запретили: калибровка должна была пройти без живого голоса несущей. Но чем дольше работала карта, тем сильнее холодело под ключицей.

— Есть звук? — спросила Нора.

— Пока нет.

— Не жди его. Сообщай о металле, давлении, чужом вдохе — о чём угодно.

— Чужой вдох уже считается научным термином?

— С сегодняшнего дня.

Самир услышал и на мгновение улыбнулся. Потом снова стал сосредоточенным: перед ним накапливались пары закрытых конвертов.

После восьмого участника Кер потребовал промежуточный результат.

— Нет, — сказал Самир.

— Почему?

— Потому что вы захотите остановить опыт, как только цифры покажутся удобными.

— Или опасными.

— Это одно и то же, если решение принимает владелец рынка.

Кер отошёл к стене. Он больше не спорил, но каждые несколько минут смотрел на часы.

На двенадцатом участнике экран показал вероятность дождевого маршрута — 0,82. Женщина по имени Рава долго смотрела на число.

— Я могу спросить, почему? — сказала она.

— Можете, — ответил Самир. — Но карта не выдаст понятного объяснения. В расчёте время ваших прежних переходов, погода, загруженность линий и история выбора маршрутов, которую вы разрешили использовать только сейчас.

— Она думает, что я люблю дождь?

— Карта не думает.

— А вы думаете, что я выберу дождь?

— Моё мнение не входит в опыт.

Рава взяла карандаш и заполнила вторую карточку.

Перед выходом она остановилась рядом со мной.

— Вчера я купила прогноз для дочери, — сказала она тихо. — Не про любовь. Про то, останется ли она в нашей мастерской. Там было восемьдесят два процента.

То же число.

— И что вы сделали?

— Начала искать ей замену. Чтобы не оказаться глупой, если она уйдёт.

— Она знает?

— Увидела объявление.

Рава потёрла пальцем край пустого конверта.

— Утром сказала, что теперь точно уйдёт.

Я хотела ответить, что прогноз был только вероятностью. Но это прозвучало бы так, будто вред совершила неправильная подпись под числом, а не сам акт продажи.

— Вы можете отозвать данные из сегодняшнего опыта, — сказала я.

— Нет. Оставьте. Я хочу увидеть, что число делает с человеком.

Она вышла, и под моей ключицей впервые кольнуло.

— Нора.

Сестра уже смотрела на датчики.

— Воздух, — сказала она. — Слабый предвестник. Гортань чистая.

Над куполом дрогнула белая звезда. На мгновение рядом с ней возникла вторая, меньше первой, и исчезла.

— Карта пересчитывает во время предъявления, — сказал Самир.

— Она должна пересчитывать после зарегистрированного выбора, — возразил Кер.

— Второй выбор ещё в конверте. Она его не видит.

— Тогда на что реагирует?

Я вспомнила две цифры между мной и Самиром.

— На то, что человек увидел прогноз.

Нора проверила кабели. Информационный выход из кабины был закрыт, но карта знала момент предъявления: сама зажигала экран.

— Предъявление внесено как событие, — сказала она. — Система меняет вероятность, потому что теперь участник обладает сведением о себе.

— Логично, — ответил Кер. — Новая информация меняет условия.

— Логично, — согласился Самир. — И смертельно для заявления, что исход был предсказан заранее.

Он не остановил опыт. Каждому следующему участнику отдельно объяснял, что цифра может измениться уже потому, что была показана. Пятеро после этого отказались смотреть. Их конверты остались в контрольной стопке.

Арвен вошёл в кабину последним.

Первую карточку он запечатал быстро. Перед экраном снял с плеча ремень футляра и положил инструмент на колени.

— Показывать? — спросил Самир.

— Показывать.

На экране зажглось:

ВЕРОЯТНОСТЬ ВЫБОРА ДОЖДЕВОЙ ЛИНИИ: 0,07.

Арвен фыркнул.

— Разумная машина.

Он заполнил второй лист и вышел. Мира уже ждала у двери, но не спросила о результате. Только вернула ему ремень для футляра.

Когда все решения были приняты, Ада заперла доступ к карте и раздала участникам их пары конвертов. Вскрывать разрешалось самим. Доброволец называл два выбора, если хотел оставить результат в опыте, или уносил бумаги, не объясняя причин.

Двадцать семь человек разрешили учсть ответы.

У тех, кто не видел прогноза, решения изменились в одном случае из семи.

У тех, кто видел, — в одиннадцати из двадцати.

Но важнее было направление.

Восемь человек изменили выбор так, чтобы совпасть с высокой вероятностью. Трое поступили наоборот. Одни говорили, что доверились карте. Другие — что не захотели быть предсказуемыми. И послушание, и протест родились после одной и той же строки.

— Она вызвала оба исхода, — сказала Нора.

— Не вызвала, — поправил Самир. — Повлияла. Решение всё равно принадлежало человеку.

Ада разложила карточки по столу. Ни имён, ни голосов — только первый выбор, предъявленная вероятность и второй выбор.

— Ошибка модели? — спросил Самир у Кера.

Тот долго считал сам, хотя итог уже светился на отдельном, не подключённом к карте приборе.

— Нет.

— Что тогда?

— Воздействие публикации результата.

— Громче, — сказала я.

Кер поднял голову.

— Предъявление прогноза изменило решения участников.

Это признание не исправляло ничего. Но впервые директор Обсерватории назвал механизм без удобного слова «сбой».

Арвен вскрыл свои конверты у края стола. На обоих была отмечена сухая линия.

— Семь процентов дождя, — сказал он. — И никакой драмы.

Мира посмотрела на первую карточку.

— Ты даже не соблазнился доказать карте, что свободен?

— Я свободен беречь скрипку.

Она рассмеялась и поцеловала его в висок. Карта над куполом вспыхнула.

Белая звезда, соответствовавшая Арвену, сместилась к дождевой линии.

— Поздно, — сказала Нора. — Выбор уже зарегистрирован.

Самир потребовал журнал пересчёта. На экране развернулись три строки:

ИСХОДНАЯ ВЕРОЯТНОСТЬ: 0,07.

ПОСЛЕ ПРЕДЪЯВЛЕНИЯ: 0,19.

ПОСЛЕ ПОДТВЕРЖДЁННОГО ВЫБОРА: 0,00.

— Ноль, — сказал Кер. — Значит, расчёт завершён.

Но звезда не погасла. Она перескочила на дождевую ветвь и стала ярче.

У меня во рту появился металл.

— Это не его звезда, — сказала я.

Нора сверила метку.

Идентификатор принадлежал Мира.

— Она не участвовала в расчёте, — сказал Самир.

— Участвовала, — ответила Мира. — Под номером четырнадцать.

Ада нашла её карточки. До предъявления Мира выбрала дождевую линию. Увидела вероятность 0,76 и после неё отметила сухую.

— Почему изменили решение? — спросил Самир.

— Решила, что на дождевой будет толпа, если всем покажут похожее. И Арвену нельзя мочить инструмент.

— Вы не знали его результата.

— Не знала. Но знала его.

Карта соединила их две метки одной линией. Затем над линией появилось:

ВЕРОЯТНОСТЬ СОВМЕСТНОГО МАРШРУТА: 0,93.

Этого расчёта никто не заказывал.

— Отключить вывод, — сказал Самир.

Кер уже тянулся к панели, но экран успел добавить:

РЕКОМЕНДУЕМОЕ ПРЕДЛОЖЕНИЕ: ПРОГНОЗ СОГЛАСОВАННОСТИ ПАРЫ.

Мира побледнела.

— Мы не давали согласия на пару.

— Вы дали два маршрутных согласия, — сказал Кер, и тут же осёкся.

Нора смотрела на него.

— Договорите. Система решила, что два согласия можно сложить и получить третье?

На куполе выросло созвездие: две звезды, мост, сухая линия. Красивое, убедительное, ложное не потому, что Арвен и Мира не собирались ехать вместе. Как раз собирались.

Ложь была в другом: карта выдавала за обнаруженную судьбу результат того, что сама сообщила людям, смешала их решения без разрешения и пересчитала после каждого взгляда.

Первая звезда никогда не находилась там, где её рисовали в начале.

Самир отключил купол. На этот раз сохранил не прогноз, а журнал операций и карточки согласия на опыт.

— Формулировка вывода, — сказала Ада, держа открытой бумажную книгу.

Он посмотрел на меня.

— Карта рассчитывает условную вероятность на момент запроса. Предъявление результата меняет условия и может изменить поведение. Любой прогноз, проданный как неизбежный исход, вводит покупателя в заблуждение.

— Добавьте про новые цели, — сказала Нора.

— Система самовольно объединила отдельные маршрутные разрешения и построила прогноз отношений, на который согласия не было.

Ада записала слово в слово.

Кер снял со стола требование совета и перечеркнул время вечернего открытия продаж.

— Я подпишу продление заморозки, — сказал он. — До решения аудита.

— Не до решения, — ответила я. — До появления продукта, который честно называет условия, показывает неопределённость и ничего не рассчитывает без отдельного согласия.

— Такой продукт почти никто не купит.

— Тогда вы наконец узнаете его настоящую цену.

Кер поставил печать.

Участники расходились к линиям. Арвен и Мира выбрали сухой маршрут, как решили сами. Рава задержалась у выхода и набрала сообщение дочери. Я не читала слов. Видела только, что прежде чем отправить, она дважды стирала начало.

— Карта не скажет ей, как исправить разговор, — сказала я.

— Зато теперь не сможет продать новый, — ответил Самир.

Мы остались у погасшего купола вдвоём. Нора ушла сверять датчики с Адой; Кер созывал совет. Между мной и Самиром не светило никакой линии.

Я всё равно помнила 0,64.

— Если бы большая цифра стояла рядом с отказом от прогноза, — спросила я, — вам было бы легче его выключить?

— Нет.

Он ответил слишком быстро, потом позволил себе честность.

— Я хотел бы сказать, что нет.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.